

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern 0.70 Pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 19 (351)

15-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris Прием по делам редакции ежед., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

10 Октября 1935 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Жребий брошен...
К итало-абиссинской войне: РСИ и МФРС в борьбе против войны.
Ф. Дан. В полосе стабилизации.
Странник. После отмены нормированного снабжения.
С. Шварц. К единству профдвижения: 2. Пути преодоления раскола.
Пятый Конгресс Социалистического Интернационала Молодежи: Резолюции конгресса.

Фельетон: Р. Абрамович.

Заграницей: А. Шифрин. Английская рабочая партия и война. — В. Ал. Аграрный съезд французской социалистической партии.
Из партии: Аркадий Кремер (Александр), некролог. С портретом.
По России: Деревенские настроения. — Популярность Сталина. — Укрепление хозяйства. — Недовольство среди рабочих и молодежи. — Накануне крупных перемен.
Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.
Предпосылки единого фронта.

ЖРЕБИЙ БРОШЕН...

Итак, непоправимое свершилось... Муссолини имеет «свою» войну. Она длится всего еще несколько дней, но телеграф уже извещает о сотнях еле вооруженных абиссинцев, падающих жертвами итальянских аэропланов, танков и пушек, и сотнях несчастных итальянских солдат, умирающих под ударами штыков и кинжалов, от жажды, от палящих лучей африканского солнца, от тропических болезней. Моря крови должны пролиться, чтобы запутавшийся в собственных преступлениях фашизм мог подкрасить свой поблекший «престиж», и чтобы сыновья и зять палача Италии, забрызганного кровью Маттеоти, могли продолжить и закрепить традиции славного рода, присвоив себе «честь» первых бомб, брошенных с аэроплана в беззащитное население, в женщин и детей, в убогие хижины поселян и прикрытые флагом Красного Креста госпиталей. Фашистские убийцы несут «цивилизацию» абиссинским дикарям!..

Впрочем, нет: по новой версии не высокая цивилизаторская миссия побудила Муссолини начать кровавую бойню. Итальянский фашизм, в течение месяцев, при попустительстве всех правительств земного шара, свозивший на границы Абиссинии сотни тысяч солдат, бесчисленное количество аэропланов, танков, орудий, снарядов, ядовитых газов, — этот бедный и мирный итальянский фашизм вынужден «защищаться» от «агрессии» Абиссинии, которая не только заранее выразила согласие принести те тяжелые жертвы, которых требовал от нее «комитет 13-ти» при Лиге Наций, не только объявила мобилизацию лишь в тот самый день, когда итальян-

ские войска уже перешли границу, но — какая неслыханная провокация! — заранее отвел все свои вооруженные силы на 30 километров от границы, лишив итальянский фашизм всякой возможности сделать какой-либо пограничный «инцидент» предлогом перехода в открытое наступление! Это смог публично заявить в Совете Лиги Наций барон Алоизи, представитель итальянского фашизма, и в собрании, в котором заседал Потемкин в качестве представителя советского правительства и — приходится констатировать это! — Мюнх в качестве представителя социалистического правительства Дании, не раздалось ни одного голоса возмущенного протеста — голос представителя Абиссинии, конечно, не в счет! Никто не посмел нарушить предписания той режиссуры двух великих держав — Англии и Франции, которые заправляют всем женевским спектаклем и, возвеличивая Лигу Наций на словах, на деле ослабляют и разлагают ее, пытаются превратить этот «парламент народов» в простое орудие своей дипломатической игры!

Но, как бы ни была великолепна режиссура, Леон Блюм тысячу раз прав, когда говорит, что, быть может, никогда еще в истории «нападающий» не был так пойман «с поличным», как при нападении Муссолини на Абиссинию, и никогда еще явное нарушение пакта Лиги Наций и пакта Кэллога-Бриана о «клеимении войны» не было установлено с такою непреерекаемостью, как в этом случае. И если бы пакты и договоры были действительно священны и неприкосновенны для подписы-

вающих их капиталистических и империалистических правительств, то в силу немедленно должна была бы вступить статья 16 пакта Лиги Наций, которая гласит:

«Если член Л. Н. прибегает к войне вопреки обязательствам, налагаемым статьями 12, 13, и 15, то он тем самым (*ipso facto*) считается совершающим акт войны против всех других членов Л. Н. Последние обязуются немедленно порвать с ним всякие торговые или финансовые отношения, воспретить всякие сношения своих граждан с гражданами государства, нарушившего пакт, и не допускать финансовых и торговых сношений граждан этого государства с гражданами любого другого государства, безразлично состоящего-ли членом Лиги Наций или нет».

Профессор Гентского университета, сенатор-социалист Анри Роллэн, один из представителей Бельгии в Л. Н., совершенно прав, когда указывает (как указал в своей речи и представитель Абиссинии), что смысл этой статьи не поддается перетолкованию; для немедленного вступления в силу тех «санкций», которые указаны в этой статье, не нужно не только никакого «единогласия», но не нужно вообще никакого голосования; при нарушении пакта они «тем самым», автоматически вступают в действие, и задача Совета Л. Н., как было, по словам Роллэна (см. Брюссельский «Пэпль» от 4 октября), категорически установлено в резолюции общего собрания Л. Н. в 1921 году, заключается лишь в определении порядка приведения этих мер в исполнение, а, в случае объявления блокады провинившегося государства, в указании тех военных сил, которые каждый член Л. Н. обязан предоставить в ее распоряжение, — для чего опять-таки никакого «единогласия» не требуется.

Если бы речь шла о действительном применении «пакта, только пакта, всего пакта», о котором так красноречиво говорили Хоар и Иден, то уже сегодня к итальянскому фашизму была бы применена мера, которая, по свидетельству Роллэна, рассматривалась в 1921 году, как минимальная: одновременный отзыв из Рима всех дипломатических представителей всех государств-членов Лиги Наций. Но, как известно, об этом нет и речи. Наоборот, все старания Совета Л. Н. направлены до сих пор к тому, чтобы не сказать ни одного слова, которое прямо заклеило бы итальянский фашизм, как «агрессора», придумать, с чисто формальным соблюдением требований ст. 16 пакта, такие меры экономического и финансового «давления», которые были бы для него возможно менее чувствительны. Такая тактика диктуется Францией ее желанием и надеждой сохранить итальянский фашизм в качестве возможного союзника против фашизма германского, а всей совокупности капиталистических государств — с одной стороны, своекорыстными расчетами в каждом из них пресса уже подсчитывает, сколько «потеряет» оно от выпадения итальянского рынка и от неиспользования создающейся на нем военной «конъюнктуры!»), а, с другой, общим всем им опасением черезчур поколебать «престиж» фашизма и тем развязать в Италии, а затем и в других странах народные революционные движения, которых они боятся больше, чем какой-бы то ни было войны, и уж конечно больше, чем нарушения самых священных принципов цивилизации, гуманности, права и пакта Лиги Наций. И фашизм пользуется этой своею ролью сторожевого пса упадочного капитализма, чтобы практиковать политику самого беззастенчивого шантажа.

Сосредоточение английского флота в Средиземном море, засвидетельствовавшее решимость Англии ни в коем случае не допускать осуществления тех планов экономической и политической гегемонии над Абиссинией, которые фашизм провозглашал, как свою «историческую» миссию, начиная свою африканскую авантюру, и признание которых он объявлял непременным условием своего дальнейшего пребывания в Лиге Наций, заставило Муссолини — на словах, по крайней мере, от

этих планов отказаться, о них во всяком случае уже не говорить. Теперь, как мы видели, свой разбойный поход он мотивирует уже лишь потребностями «законной самообороны»; теперь его представитель скромненько заседает рядом с делегатом Абиссинии, одно появление которого заставляло на прошлой сессии Совета всю итальянскую делегацию покидать заседание; теперь послы и печать Муссолини намекают, что он не требует непременно миллионов трупов, что для его «престижа» хватит и нескольких десятков тысяч, что он готов удовольствоваться не то кое-какими провинциями, которые сама Абиссиния когда-то завоевала, не то даже еще меньшими территориями, хоть «чем-нибудь», что может быть изображено итальянскому народу, как великий трофей и реванш за понесенный 40 лет тому назад разгром при Адуде. И все заставляет думать, что главным содержанием лихорадочной дипломатической стряпни и в Париже, и в Риме, и в Лондоне, и в Женеве является в настоящий момент вопрос о том, какие-же куски можно выбросить Муссолини за счет Абиссинии, чтобы хоть сусальным золотом подкрасить его полинявший «престиж» и создать для него хотя бы призрачный ореол «победы».

Никто не может, разумеется, сказать сейчас, сможет ли собравшийся в Женеве ареопаг государств, сможет ли, в частности, капиталистическая Англия, столько жизненных интересов которой поставлено войною на карту, справиться и со своими взаимными, и со своими внутренними противоречиями настолько, чтобы сговориться на «формуле», которая на сей раз «обеспечит мир», тем, что «локализует» войну и поставит ее целям определенные границы. Если эта задача — трудная и, быть может, даже невыполнимая — все же удастся, то, разумеется, не фашисты всех стран, облачающиеся в тогу поборников мира, чтобы спасти своего «вождя», не пушечные короли, протестующие против «санкций», чтобы беспрепятственно снабжать его оружием, не капитаны банков и промышленности, заранее подсчитывающие сверхприбыли, которые принесет им война «против рабства» и за насаждение «цивилизации» в Абиссинии, — не вся эта жадная свора «использователей войны»; а только социалистический пролетариат, только трудящиеся массы всего мира, которым война несет лишь смерть и разорение, и которых именно поэтому все насильники, все эксплуататоры и паразиты обвиняют ныне в «воинственности», только они искренне порадуются тому, что сократится длительность войны и уменьшится число жертв.

Но эта, истинно человеческая и человечная радость не сможет, не должна будет помешать социалистическому пролетариату трезво, без иллюзий оценить значение такого «мира» и те перспективы, которые он открывает.

Социалистический пролетариат скажет себе, что такой мир, санкционирующий во имя «престижа» фашизма насилие над беззащитной страной, означает, что Лига Наций не выдержала того испытания, которое сам Иден в недавнем письме к своим избирателям назвал «последним», и что она, волею господствующих в ней капиталистических и империалистических правительств, сама готовит себе жалкую судьбу «живого трупа». Ибо отныне не только великие державы, и в первую голову — Англия, будут вести свою «большую» политику независимо от Лиги Наций, но и все малые государства должны будут потерять всякий интерес к ней, как своей защитнице от насилия больших.

Социалистический пролетариат скажет себе, что такой мир не только не уменьшает военную опасность со стороны германского национал-социализма, но, наоборот, эту опасность во сто крат увеличивает. Ибо, если женевский ареопаг не захотел, в силу указанных выше причин, немедленно применить хотя бы те только санк-

ции, о которых говорит ст. 16, к итальянскому фашизму, то почему захочет он применить их к фашизму германскому? Если всю задачу свою он увидел в «локализации» войны в Африке, то почему при случае он не захочет «локализовать» ее, как того заранее и добивается Гитлер, в Европе? Если можно, во имя «мира» бросить в пасть итальянского хищника куски Абиссинии, то почему не бросить в пасть хищника германского куски Австрии, Чехословакии, Литвы, Советского Союза?

Социалистический пролетариат скажет себе, что, если Муссолини удалось шантажем добиться амнистии своему столь явно грабительскому налету на Абиссинию, то каким-же грандиозным шантажем отметит он свое участие в европейском конфликте и какую чудовищную цену и за чей счет — Австрии, Югославии, итальянских кантонов Швейцарии? — заставит он оплатить свой «союз» в войне против Гитлера?

Социалистический пролетариат скажет себе, что такой мир означает начало действительной «цивилизации» Абиссинии, но цивилизации милитаристской: если уже сейчас в Абиссинии строится первый завод вооружения, то нет ни малейшего сомнения в том, что пройдет немного лет, и Абиссиния, при деятельном содействии нынешних противников «санкций» и «поборников мира», превратится в военный лагерь, будет до отказа снабжена всеми орудиями современной военной техники и, вооруженная до зубов благами, принесенными ей капиталистической «цивилизацией» — бомбовозами, танками и ядовитыми газами — начнет осуществлять свой «реванш», станет военным форт-стом всех «цветных» народов, силою сбрасывающих тот колониальный гнет, от которого их добровольно не освобождает и никогда не освободит мировой капитализм, превратится в тот молот, которым будет наносить сокрушительные удары по европейскому империализму воинственный японский империализм, уже сейчас в прокламациях, распространяемых в Абиссинии, ставящий свою кандидатуру на роль гегемона «цветных» народов в беспощадной войне против угнетающей их «белой расы».

Вот — перспектива, открываемая той амнистией итальянскому фашизму, над которой, якобы во имя «мира», хлопочет сейчас столько дипломатов. Если энер-

гичное, безоговорочное и в полном объеме проведенное применение экономических и финансовых санкций могло бы еще принудить итальянский фашизм к капитуляции, подготовить его падение и тем самым действительно на более или менее долгий срок обеспечить сохранение мира, то «мир», во имя престижа фашизма санкционирующий вооруженное насилие над Абиссинией, может быть лишь короткой передышкой, но в то же время прологом грандиозной мировой войны.

Как бы то ни было, жребий брошен. Начав войну против Абиссинии, итальянский фашизм привел в движение лавину, которую уже никто и ничто не может остановить. Мир вплотную подошел к полосе грандиозных катастроф. Только победа рабочего социализма может предотвратить эти катастрофы или, если они все же разразятся, водрузить на развалинах, нагромождаемых умирающим капитализмом, красное знамя свободы и возрождения, знамя раскрепощения, братского сотрудничества и подлинной цивилизации для всего трудящегося человечества — в Африке и Азии точно так же, как в Европе, Америке и Австралии.

К итало-абиссинской войне

РСИ и МФПС В БОРЬБЕ ПРОТИВ ВОЙНЫ.

27 сентября состоялось в Париже под председательством Де-Брукера заседание совместной анти-военной комиссии Рабочего Социалистического Интернационала и Международной Федерации Профессиональных Союзов. Помимо председателя РСИ был представлен Леоном Блюмом и Ф. Адлером, а МФПС генеральным секретарем Скэвенельсом, Хиксом, Тайэрле, а также представителем Международной Федерации Транспортников Жаррижионом.

Комиссия («Комитет шести») имела уже недавно случай обратить внимание на крайнюю серьезность положения. Становится все очевиднее, что только та энергичная политика коллективной безопасности, которой требовала резолюция обоих Интернационалов от 6 сентября, могла бы еще спасти мир. Комиссия призывает рабочих всех стран тотчас-же начать готовиться к поддержке всеми силами тех санкций, которые, как можно предполагать, будут решены Лигой Наций.

Комиссия постановила созвать, лишь только обстоятельства того потребуют, вторую совместную конференцию Исполкомов РСИ и МФПС.

Конференция эта состоится 13 октября в Брюсселе. Ей будут предшествовать заседания Бюро и Исполкома РСИ.

В ПОЛОСЕ СТАБИЛИЗАЦИИ

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 сентября — подпись генерального секретаря ЦК ВКП на сей раз почему-то отсутствует! — в Красной Армии введены «персональные военные звания» начальствующего состава или, говоря проще, восстановлены, с незначительными видоизменениями, старые «чины» до-революционного времени.

Можно пройти мимо тех высокопарных и хвастливых разглагольствований о «гордом звании» («Изв.», 23 сент.), о «нашей родной, подлинно народной армии» («Правда») и пр., которыми, по установившемуся уже обычаю, заменяют серьезный анализ и политическое осмысление новой реформы казенные публицисты, потерявшие уже способность и лишённые права открыто смотреть в глаза правде политической действительности и того менее — говорить эту правду советским народным массам. Так уже повелось, что всякую навязанную неотвратимым ходом исторических событий «печальную необходимость» они провозглашают новым небывалым «достижением», всякое вынужденное отступление — грандиозной победой, всякую «нужду» — перлом большевистской «добродетели» и всем этим вносят в сознание своих читателей величайшую путаницу, причащают их к столь несовместимой с самым духом марксистской

политики боязни называть вещи своими именами и смело «высказывать то, что есть». Достаточно, пожалуй, посмеяться над лирическими восторгами «Правды» по тому случаю, что «осуществлена» наконец «мечта» рабочих и крестьян о создании сильной армии, между тем как еще знаменитые ленинские «тезисы» апреля 1917 года «мечтали», как известно, не об ее создании, а об «устранении полиции, армии, чиновничества». И достаточно, быть может, отметить кричащее противоречие между не менее лирическим утверждением той же «Правды» о «преданности» начальствующего состава «советской власти и партии до последней капли крови» и фактом сохранения на всех ступенях командной лестницы института политических комиссаров, рожденного именно недоверием власти и партии к этой «беспредельной» преданности.

Нет сомнения, что побудительной причиной новой меры является, прежде всего все ближе надвигающаяся военная опасность. Перед лицом этой опасности советское правительство вынуждено как можно энергичнее заботиться о повышении не только технической, но и организационной боеспособности армии. Оно вынуждено делать это, как вынуждено было бы на его месте любое другое правительство. Но надо отчетливо сказать себе

и другим: необходимость эта вытекает из того, что не осуществилась одна, основная «мечта», лежавшая долгий ряд лет, и притом решающих, критических лет, в основе всей большевистской политики — мечта о том, что советская революция в России немедленно развяжет и приведет к быстрому успешному завершению пролетарские революции по крайней мере в решающих странах капиталистического мира и тем самым, упраздняя военную опасность, сделает возможным и «устранение армии». А в таком случае, вместо победных гимнов, не полезнее-ли было бы большевистским публицистам поразмыслить о том, почему-же эта мечта не осуществилась, и не было-ли в самой большевистской политике элементов, мешавших ее осуществлению в тех формах, в каких она только и могла начать превращаться из «мечты» в историческую действительность?

Но далее. Организационную подготовку армии к войне советское правительство осуществляет на тех же самых путях, на каких ее осуществляет в с я к а я современная армия — на путях укрепления иерархического начала и воинской субординации или, как выражается «Правда», на путях «поднятия роли, значения и авторитета начальствующего состава». И это в наличных условиях неизбежно. Но опять-таки надо отчетливо сказать себе и другим: эти «наличные условия» означают не что иное, как свидетельство крушения и другой «мечты», мечты о «построении социализма в одной стране» — конечно, если под социализмом понимать не «национализацию» экономики, являющуюся, хоть и крайне важной, но все-же лишь одной из его предпосылок, а создание нового строя социальных отношений, лишенного взрывающего его внутренних противоречий и осуществляющего гармонию «бесклассового общества». Укрепление иерархического начала и воинской субординации именно потому и является основным условием боеспособности всякой армии общества, раздираемого противоречиями, что без железного обруча строжайшей дисциплины и «слепого повиновения» противоречия эти грозили бы взорвать ее в тот слушний час истории, когда миллионам ее «рядовых» членов приходится не на столбах газетных передовиц, а в крошечном аду битв проливать «последнюю каплю крови» за цели, диктуемые им «сверху», с командных высот, но не ставшие для народных «низов» своими и кровными. Но если этот железный обруч оказывается необходимым и для Красной Армии, свидетельствуя о том, что построение бесклассового общества, лишенного внутренних противоречий, еще бесконечно далеко от «завершения», если и эта «мечта» не осуществилась, — то не следует-ли опять-таки, вместо самоуспоения трескучими фразами, хорошенько задуматься над причинами крушения «мечты», над последствиями той политики, которая так неуклонно проводилась на ее основе за последние 10 лет, и над теми политическими выводами, которые отсюда надо сделать, чтобы приблизить, а не отдалить час ее исторического осуществления?

Но вместо этого, говоря то и дело о «завершении и» построения социализма, «Правда» предпочитает в то же время облыжно ссылаться на Энгельса, смеявшегося над людьми, требующими, чтобы отмена принципа авторитарности была «первым актом» революции. Но ведь в том-то и все дело, что русская революция переживает теперь не первые акты свои, а последние, что, после бурных лет строительства «генеральной линии», она вступает в период закрепления сложившихся на основе этого строительства общественных отношений, в период стабилизации. «Правда» сама говорит, что «служба в Красной Армии стала пожизненной профессией». Но и выходя в отставку, «наши командиры», хотя и поднявшиеся на верхние ступени социальной иерархии из рабоче-крестьянских низов, уже

не будут отныне, подобно новым Цинцинатам, возвращаться к плугу и оралу, а будут, в качестве отставных лейтенантов, капитанов, полковников, командармов, флагманов и пр., сохранять присвоенные их званию чины, мундиры, пенсии, бытовые и культурные привилегии. Более того, можно с уверенностью предположить, что военная профессия станет для них в огромном большинстве случаев не только пожизненной, но и, так сказать, семейной, что их сыновья будут заполнять военные учебные заведения и делать военную карьеру. «Военная среда» снова кристаллизуется, как особый социально-привилегированный слой.

Что в этом процессе закрепления приобретенных в революции прав на привилегированное социальное положение играют роль отнюдь не только деловые соображения воинского характера, но и стремление таким путем обеспечить «преданность» командного состава «советской власти и партии», о том красноречиво свидетельствует введение звания «маршала», никакого воинского значения не имеющего, но являющегося, как и столь щедро раздаваемые ныне ордена, чисто почетным отличием, той высшей наградой, которую советское правительство, подобно Наполеону, кладет «в ранен каждого гренадера», чтобы побудить его к верной и ревностной службе. Но, что самое важное, этот процесс стабилизации сложившихся на основе «генеральной линии» социальных отношений отнюдь не ограничивается одной красноармейской средой. Не будет ничего невероятного в том, если вскоре — и по однородным основаниям — последует восстановление чинов, или, по новой, стыдливой терминологии, «введение персональных званий», и во всех гражданских ведомствах, где уже начинает появляться старая «форма» (инженеры!).

Но с чинами или без чинов, с вицмундирами или без оных стабилизация сложившихся социальных отношений уже идет полным ходом во всей верхушке советского общества, охватывая и ее бюрократический, и хозяйственный, и интеллигентский персонал. Минует время, когда люди нарочито спускались с верхушки в пролетарские низины, чтобы завоевать себе право на звание равноправного члена советского общества. Теперь из этих низин, разбуженных и окультуренных революцией, множество выходцев поднимаются наверх, но с тем, чтобы уже никогда не возвращаться обратно, с тем, чтобы «потомственно» закрепиться в материальных, бытовых, культурных и социальных условиях, резко отличающихся от условий той среды, из которой они вышли и в которой остается вся масса выдвинувшего их класса. На излете генеральной линии и в начале процесса стабилизации, процесса подведения итогов почти двух десятилетий революционного развития перед нами вырисовывается очертания отнюдь не социально однородного, бесклассового общества, а, наоборот, общества с совершенно ясным социальным расслоением. И это есть тот основной факт современной советской жизни, из которого должна исходить политическая мысль всех, кому подлинно дороги судьбы русской революции, русского и международного социализма. С этой точки зрения восстановление чинов в Красной Армии только тем и интересно, что оно является одним, и притом далеко не самым крупным выражением этого факта.

Что в процессе русской революции наступила остановка; что сложившиеся на почве этого развития социальные отношения стабилизируются; что стабилизация эта приводит к закреплению известного социального расслоения и неравенства; — все это, в обстановке общего застоя мирового революционного движения пролетари-

ата, естественно и исторически неизбежно. Именно те, кто, подобно нам, не устал указывать на зависимость судеб русской революции от судеб мирового рабочего движения и подчеркивать ограниченность ее «социалистических» возможностей, как изолированной революции «в одной стране», и притом отсталой, менее всего имеют оснований становиться по этому случаю в позу демагогического максимализма. Социалистическая критика результатов неполных двух десятилетий революционного развития необходима. Но оправдана, плодотворна и прогрессивна эта критика может быть лишь в том случае, если, констатируя несовершенство этих результатов с точки зрения идеалов социалистического будущего, она исходит из признания громадности их — и в экономическом, и в социальном, и в бытовом, и в культурном отношении — по сравнению с тем полуфеодально-полукапиталистическим прошлым, в недрах которого революция зародилась. Только с такой критикой следует подходить и к явлениям той полосы стабилизации, в которую вступает русская революция.

Стабилизируются экономические и социальные отношения революционной страны. Но все говорит за то, что, на основе этой социально-экономической стабилизации, она подходит к стабилизации и политических форм своей государственности, и именно вопрос об этих формах приобретает решающее значение с точки зрения дальнейших перспектив рабочей борьбы за социализм. Пойдет ли политическая стабилизация Советского Союза по пути, ведущему, в конечном счете, к созданию бонапартистской государственности в ее современной «фашистской» форме, или, наоборот, она пойдет по пути, ведущему ко все более полной и всесторонней демократизации режима? И для русского, и для международного социалистического рабочего движения нет в данный момент вопроса более важного и жизненного.

Если даже считать, что начинающийся ныне процесс

стабилизации представляет собою окончательную, завершительную фазу русской революции, то кровавая заинтересованность русского рабочего класса в демократическом исходе этого процесса с точки зрения борьбы и за повседневные интересы, и за социализм не требует пояснений. Но вся мировая обстановка заставляет думать, что совершающаяся на наших глазах стабилизация является не окончательным завершением революционного процесса, а лишь временной остановкой, паузой в его развитии. Весь мир теряющего жизнеспособность капитализма насыщен взрывчатым материалом. Весь мир стоит на пороге колоссальных военных или революционных потрясений, весьма вероятно — тех и других. Чем безвыходнее запутывается капитализм в нагроможденных им же противоречиях, чем свирепее отстаивает он варварскими методами фашизма свое пошатнувшееся господство над массами в одних странах, и чем неудержимее рстит он «фашистские» настроения в господствующих классах других, — тем неотвратимее подготавливает он собственными руками момент великой схватки между миром труда и миром эксплуатации — в ходе революции, предупреждающей подготовляемую им войну, в ходе-ли самой развязанной им войны. В подготовке трудящихся масс и себя самого к этим революционным боям, в которых будут решаться судьбы пролетариата и всего человечества, заключается основной смысл работы международного социализма в нашу эпоху. И в этой перспективе вопрос о политических формах стабилизации Советского Союза приобретает значение, всемирно-историческую громадность которого трудно переоценить. Демократизированная Россия, предоставляющая простор организованной самостоятельности трудящихся, в этой обстановке сможет не только преодолеть стабилизационную паузу и стать могучим союзником международного пролетариата, участником его борьбы и побед, но и сыграть огромную положительную роль в подготовке условий его победы. Россия бонапартистская или фашизированная не

Предпосылки единого фронта

Все множатся за последнее время факты, свидетельствующие о серьезном повороте в тактике Коминтерна. Если обращение Димитрова к секретариату РСИ о совместной акции против опасности войны можно еще отнести к длинному ряду аналогичных обращений, неоднократно имевших место в разное время, то совершившееся объединение профессионального движения во Франции, влекущее за собой фактическую ликвидацию Профинтерна, является шагом уже гораздо более серьезного значения. Если же подтвердятся дошедшие до нас слухи о крутом повороте, происшедшем в тактике германской Компартии и связанном с отказом от лозунгов Советской Германии и диктатуры пролетариата, — то это придется признать событием, открывающим новую страницу во взаимоотношениях между европейским коммунизмом и европейским социализмом.

Коммунистические партии, ставящие своей целью в парламентских странах защиту демократии, а в странах фашизма — созыв Учредительного Собрания на основе демократических и всеобщих выборов; компартии, становящиеся на точку зрения единой рабочей партии на началах внутренней демократии, т. е. с подчинением меньшинства большинству, и признающие в принципе совместные действия этой единой партии с непролетарскими группами и организациями в борьбе против фашизма, — такие компартии, конечно, в совершенно иной степени являются возможными партнерами для ев-

ропейской социалдемократии, чем компартии старого классического типа, какие существовали в Европе с 1919 по 1934 г. Подобного рода эволюция европейского коммунизма не сможет, конечно, с течением времени остаться без влияния и на отношение к нему европейской социалдемократии. Но, как я уже указал в своей предыдущей статье, психологическая стена, выросшая за долгие годы раскольничьей политики Коминтерна между социалистами и коммунистами, может быть без остатка снесена лишь в том случае, когда восстановится в полной мере доверие к искренности и лояльности московских руководителей Коминтерна.

В социалистических кругах Европы отдают себе совершенно ясный отчет в основных причинах той эволюции, которая совершается сейчас в коммунистическом движении. Все понимают, что она продиктована и определяется факторами двоякого рода: с одной стороны, потребностями внешней политики сов. власти, считающейся с реальной опасностью войны в ближайшем будущем и стремящейся создать наиболее благоприятные условия для тех сил в европейских странах, которые смогут явиться союзниками Советского Союза; с другой стороны, сознанием безысходности и бесперспективности коммунистического движения в старой форме, по-

только не сможет быть вовлечена в процесс революционной борьбы международного пролетариата, но легко сможет очутиться в стане его врагов. Вопрос о политических формах Советского Союза перестает быть вопросом внутри-русским. Он становится вопросом международно-пролетарским.

Если подойти к оценке перспектив политического оформления полосы стабилизации лишь с точки зрения внутри-советских отношений, то, надо признать, оснований для оптимизма найдется немного. И это тем более, что процесс стабилизации начинается в предвоенной обстановке, а свое завершение получит, быть может, уже в обстановке войны. Эта обстановка вынуждает советское правительство к союзам с правительствами капиталистическими, не только объективным весом своей экономической, финансовой и милитаристской мощи, но и вполне планомерно толкающими и внешнюю, и внутреннюю политику большевистской диктатуры во вполне определенную сторону. Но та же обстановка делает и внутри страны армию, точнее говоря — ее командный состав, с его во всех армиях мира одинаковой психологией, решающим политическим фактором, что, как мы видели, сказалось и на последней военной «реформе». Все это моменты, для торжества политики подлинной демократизации, единственным верным критерием которой может быть лишь развязывание свободной и организованной самодельности трудящихся во всех областях социальной и политической жизни, весьма мало благоприятные!

Но та же предвоенная обстановка имеет для политического оформления стабилизационной полосы и другие стороны. Советское правительство вынуждено заботиться не только о создании благоприятных внешнеполитических условий и о боеспособности армии, но и об укреплении тыла. Отсюда ряд «крестьянолюбивых» мер последнего времени, и отсюда же те официальные за-

явления о «демократизации», которые начались с обещания ввести равное, прямое и тайное избирательное право и привели к образованию «конституционной комиссии» с гораздо более широкими, повидимому, планами пересмотра основных законов Советского Союза. Если верить слухам, настойчиво и с печатью официальной достоверности распространяемым за границей полномочными представителями Коминтерна, то готовятся преобразования, поистине сенсационные, увенчанием которых должно быть не только всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право на всех ступенях государственности, но и замена местных советов органами самоуправления на основе этого права и созыв 600-членного Всероссийского парламента на тех же основаниях, т. е. фактическая ликвидация советской системы. Несмотря на категоричность этих сообщений, исходящих, повторяем, из официальных коминтернских кругов, никто не сможет, разумеется, сказать, сколько в них подлинной правды, и еще того менее, во что превратятся эти широкие планы, если они действительно существуют, при приступе к их практическому осуществлению. Ведь, в обстановке непоколебленной диктатуры — о том напоминают не только старые «бонапартистские», но и новейшие фашистские примеры! — и вышедший из всеобщих выборов «парламент» может увидеть свою главнейшую, если не единственную задачу в том, чтобы провозгласить все того-же великого Сталина пожизненным консулом, вождем, отцом отечества — за названием дело не станет! И та реклама Сталину, то обожествление его, которое именно со времени возвещения «демократизации» приняло размеры, поистине небывалые, дают все основания опасаться именно такого исхода, значение которого, в смысле перспектив дальнейшего политического развития Союза, вряд ли нуждается в пояснении. Но, как бы то ни было, лозунг «демократизации» провозглашен, запретные недавно слова сказаны официально. И в них все социалисты,

терпевшего столь жестокое поражение за последние годы в ряде стран, в особенности в Германии.

Однако, весь характер эволюции, которую прodelывает сейчас коммунистическое движение, ясно свидетельствует о том, что определяющим и решающим моментом во всем этом движении являются интересы и соображения Советского правительства. И для социал-демократических партий Европы совершенно ясно, что, вступая в те или иные отношения с коммунистическими партиями своих стран, они фактически имеют дело со стоящей за их спиной большевистской диктатурой. Но эта диктатура по своему существу, по всей своей практике, наконец, по тому влиянию, которое она имела на рабочее движение в Западной Европе, является полным отрицанием того принципа демократии (не только для политического строя государства, но и для построения партии самого рабочего класса), на котором зиждется вся идеология и самое существование европейской социалдемократии. Ведь действительное и основное расхождение между коммунизмом и социализмом заключается не в большей или меньшей революционности лозунгов, не в вопросе о допустимости сотрудничества с другими классами, не в разногласии о преимуществах парламентской системы или советской, и уж во всяком случае не в вопросе о деталях будущего социалистического строя. Можно не верить в близкое наступление социальной революции и тем не менее быть коммунистом; можно отрицать коалицию с буржуазными партиями и тем не менее оставаться социалдемократом. А последняя эволюция германских коммунистов показывает, что можно с общим коммунистическим мировоззрением примирить даже отказ от советской системы и

провозглашение лозунга Учредительного Собрания. Но что абсолютно неотделимо от коммунистического мировоззрения — и столь же принципиально несовместимо с мировоззрением социалдемократическим, — это принцип «вождизма», «фюрерства» не только в отношениях между пролетариатом и другими классами, но и внутри самого рабочего класса, как метод построения партии пролетариата. Начиная с ленинского «Что делать?» (но восходя, конечно, корнями еще дальше, к Бакунину и Ткачеву), современный коммунизм весь проникнут идеей «командования» и господства революционного меньшинства, прочно организованного авангарда над широкими массами рабочего класса. Отрицание демократии не только политической, не только рабочей, но и внутри-партийной, — является неотъемлемой сущностью русского большевизма, которую он в течение полутора десятка лет через Коминтерн пытался привить европейскому пролетариату. И на основании горького опыта всех этих лет европейская социалдемократия знает, что, на какие бы внешние и политические уступки ни шел временно, для достижения тех или иных — хотя бы и очень почтенных — целей руководимый московской диктатурой европейский коммунизм, — он никогда не отказывался от этого своего существа, т. е. от стремления в той или иной форме, под тем или иным видом удержать в своих руках «командование», диктаторское распоряжение всем движением в целом. Так, по крайней мере, было до сих пор.

Этот долгодетный опыт не предрасполагает европейскую социалдемократию к излишнему оптимизму в отношении большевистских намерений и планов. Мало того, как я уже указал в своей предыдущей статье, в за-

все трудящиеся, сознающие свои классовые задачи, получают опору для того, чтобы, и вопреки намерениям диктаторов, бороться с большими шансами на успех за превращение демократических слов в демократическое дело, за демократическое, а не бонапартистское политическое оформление стабилизационного процесса.

Но трудящиеся, и притом не только Советского Союза, но и всего мира, получают для борьбы за разрешение политической проблемы русской революции в направлении, отвечающем жизненным интересам русского и международного пролетариата, и другую мощную опору. Предвоенная обстановка заставляет советское правительство искать союза с правительствами капиталистическими. Но она же — и это соответствует не только всему характеру эпохи, но и двойственной природе самой большевистской диктатуры в нынешней фазе ее развития — заставляет его искать одновременно союза и с международным пролетариатом. Международный пролетарский «единый фронт» становится для него такой-же жизненной необходимостью, как «региональные пакты», «коллективная взаимопомощь» и пр. Но, чем больше будет крепнуть и превращаться в реальность движение профессионального и политического единства международного пролетариата, тем больше насущные потребности этого движения будут (я имел случай говорить об этом, см. «С. В.», № № 16 и 17) вплотную подводить — не отдельных вождей, а сами массы, которые всегда учатся лишь на своем собственном опыте, к «советской проблеме», сначала как к проблеме советского рабочего движения, а в дальнейшем и как к проблеме политической в ее полном объеме. И международно-пролетарский союзник советского правительства будет — опять-таки и объективным весом своего союза, и сознательным воздействием — толкать к разрешению политической проблемы стабилизационной полосы в совсем ином направлении, чем то делают его капиталистические союзники!

ключительном слове Димитрова на VII конгрессе еще имелись — и вряд ли только по инерции! — довольно ясные намеки на то, что руководящие Коминтерном вожди московской диктатуры и в самом движении к «единому фронту» сохраняют свои претензии на командование и господство над европейским рабочим движением.

Само собой разумеется, что охарактеризованная нами антидемократическая сущность коммунизма и вызываемая ею настороженность и недоверчивость европейской социалдемократии являются чрезвычайно крупным препятствием для установления и расширения единого фронта в международном масштабе. Тем более на данной стадии развития, когда в ряде стран стоит уже не только вопрос о совместных действиях обеих партий, но, как во Франции, Германии, Австрии — вопрос о создании единой партии, охватывающей все течения пролетариата.

*
**

Является ли это препятствие непреодолимым?

Практически этот выход может быть найден в том, что между социализмом и коммунизмом производится, так сказать, «раздел сфер влияния». Коминтерн «отводит свои войска» из Европы, заставляя коммунистические меньшинства во всех странах слиться с социалистическими партиями на основе социалдемократической платформы и отказа от специфических коммунистических лозунгов, и отдает их, так сказать, «на растерзание» демократии. Европейский же социализм прекращает всякую критику существующего в России режима, безоговорочно признает господствующую в Советском

То или иное политическое оформление стабилизационного периода может быть лишь результатом борьбы противоборствующих друг другу сил. И в своей борьбе за демократическое разрешение этой проблемы российской социалдемократии есть на что опереться и внутри страны, и в международно-пролетарском движении. Для этого ей надо лишь непоколебимо стоять на той почве, на которую она встала в самом начале большевистского периода: на почве признания всех положительных достижений революции, как исходной точки для движения вперед, и на почве подлинного пролетарского интернационализма, никогда не противопоставляющего интересы партии интересам международного пролетариата, никогда не делающего свои частные требования камнем преткновения для великого и жизненно необходимого движения рабочего класса к единству, а, наоборот, со всею страстью и энтузиазмом вкладывающегося в это движение в полной уверенности, что успех его подготавливает торжество и российской социалдемократии.

Ф. Дан.

Новая книга на складе „Социал. Вестника“ : Salomon SCHWARZ

“LENINE ET LE MOUVEMENT SYNDICAL”

Из содержания :

La Formation de la Doctrine
Doctrine et Réalisation

Les Syndicats dans le Système de la Dictature
Communiste — Lénine et le Mouvement
Syndical International

Sté d'Éditions «Nouveau Prométhée»

Цена : 6 франков

Союзе диктатуру и прекращает как прямо, так и через свои русские секции всякое идейно-политическое воздействие в сторону демократизации этой диктатуры.

Такого рода «компромисс» уже давно отстаивали некоторые европейские социалисты, и как раз из лагеря весьма правых. К этому же решению, повидимому, подходит и политика Коминтерна в ее последней фазе.

Нельзя сказать, чтобы такого рода «раздел сфер влияния» был невозможен физически или технически. Но заключение такого соглашения было бы, с нашей точки зрения, роковым шагом для интересов русской революции, так и для судеб единства рабочего движения во всем мире.

Чтобы понять это, надо себе прежде всего отдать отчет в том, что по господствующему в среде РСИ мнению, современная большевистская диктатура не в состоянии обеспечить русской революции спокойного и бескризисного развития к социализму и демократии. Огромное большинство РСИ поэтому всегда солидаризовалось с требованиями нашей партии, направленными к демократизации сов. режима, прекращению режима террора и несвободы, и постепенному введению начал демократии и самоуправления для масс трудящихся в Сов. Союзе. Поступая таким образом, европейская социалдемократия руководилась своим общим пониманием интересов рабочего движения и социализма, а не соображениями дружбы или приятельства по отношению к нашей партии. Да ведь и сама наша партия, формулируя свои политические требования к сов. правительству, исходила всегда только из интересов революции и рабочего класса, глубоко убежденная, что вне ее программы нет спасения для русской революции, что продолже-

После отмены нормированного снабжения

1-го октября нормированное снабжение отошло в вечность. Официально — в Советском Союзе всеобщая радость. Кончились бесконечные мытарства с получением нормированных продуктов; покупай, что хочешь и «сколько хочешь»; пользуйся «понижением цен» и преисполняйся чувства благодарности к партии и ее мудрому вождю, который ведет нас к «радостной», «зажиточной», «богатой» жизни.

Но в радостный перезвон, который раздается со страниц бесчисленных советских газет, нет-нет да и ворвется диссонирующая нота. Вот рабочее собрание на Трехгорке обсуждает только что опубликованный декрет. Все как будто хорошо, но, — проговаривается отчет «Правды» (от 27-го сентября), — «одно несколько смутило всех (!) — это многосемейные. Не будет ли им трудно?» — Конечно, бойкий секретарь парткома сумел рассеять это всеобщее «смущение»: пусть подорожали по сравнению с нормированными ценами мясо и сахар, рыба и масло; понижение цен на хлеб и общее понижение коммерческих цен все это перекроет.

Перекроет-ли? Да и жить-то как громадной массе рабочих и служащих низких и средних разрядов с заработком в 100-120-150 рублей в месяц? Пусть нормированное снабжение, особенно как оно сложилось в последние годы, с его бюрократизмом, из рук вон плохой организацией, нерегулярностью и скудостью выдач завоевало чуть-ли не всеобщую неприязнь. Ведь отказ от нормированного снабжения для миллионов рабочих и служащих отнюдь не решает, а лишь впервые со всей ясностью ставит вопрос — элементарный и жгучий вопрос, как прожить, как

свести концы с концами, как удовлетворить свои насущные потребности при данном уровне заработной платы.

Конечно, очень хорошо, что ржаной хлеб будет теперь стоить (берем цены для Москвы) не 1 руб., а 85 коп., белый пшеничный не 2 р., а 1 р. 70 к. за кг., что коммерческая цена на сахар-песок понижается с 6 руб. 50 к. до 4 р. 50 к., на говядину средней упитанности (1-го сорта) с 10 руб. до 7 руб. 60 к. и т. д. Но ведь вчера действовала нормированная цена на сахар в 2 р. 50 к., на мясо в 3 руб. 44 к. Правда, выдачи сахара, мяса и др. продуктов по нормированным ценам в последнее время чрезвычайно сократились (во многих местах сохранились лишь в косвенной форме — при отпуске блюд и напитков в предприятиях общественного питания). — Но — и это самое главное — уровень заработной платы громадной массы рабочих и служащих низких и средних разрядов сложился в основном в соответствии с уровнем цен нормированного снабжения и находится в кричащем противоречии с уровнем коммерческих и рыночных цен.

Достаточно сравнить покупательную силу заработной платы рабочего или служащего низкого разряда — скажем, в Москве с заработком в 100-150 рублей — с покупательной силой пособия по безработице в Париже, равняющегося для безработного с женой и ребенком приблизительно 360 франкам в месяц (Франция страна с очень плохой постановкой обеспечения безработных и с низкими пособиями). Вот несколько сравнительных данных о ценах:

ние политики подавления всякой самостоятельности рабочих масс, в соединении с губительной крестьянской политикой, готовит русской революции бонапартистский финал, роковой для русского и для всего мирового рабочего движения. Основные партии РСИ до сих пор своего отношения к методам большевистской диктатуры не переменили и не могли перемениить, оставаясь верными основам своего общего мировоззрения. Заключение ими упомянутого «пакта» с Коминтерном означало бы, поэтому, что европейский социализм во имя практических выгод, связанных с освобождением от коммунистического раскола, «теряет свое лицо» и сознательно жертвует интересами русской революции в своем собственном понимании. Прекращение морального давления на советскую диктатуру со стороны организованного мирового пролетариата фактически свело бы на нет все надежды на демократический исход революции. Тот факт, что мировой социализм, не по внутреннему побуждению, а по соображениям утилитарным, «умывает руки» по отношению к русской революции, объявляет свою «незаинтересованность» по вопросу, имеющему жизненное значение для судеб мира, вызвал бы глубочайшее разочарование и моральное разложение как в самой России, в тех слоях пролетариата, которые являются там носителями идеи социальной демократии, так и в самом европейском социализме. Вместе с тем, компромисс подобного рода, построенный на морально-политической фальши, не дал бы в конечном счете и скольконибудь плодотворных результатов даже с узко-практической точки зрения. Единый фронт, заключенный на указанной основе, но превращающийся, в виду создавшейся ситуации для территории Европы в «органиче-

ское единство», будет фактически находиться все время в зависимости от настроений и интересов московской диктатуры. Между тем эта диктатура, при отсутствии всех элементов демократии даже внутри рабочего класса, всей логикой своего внутреннего развития будет все более и более превращаться в «тоталитарное», бесконтрольное самовластие узкого круга, завершающееся единоличной диктатурой Сталина. Для обстановки, которая создастся тогда в России, а вместе с тем и в объединенном рабочем движении мира, будет иметь полную силу то, что Леон Блюм недавно привел для характеристики положения в Европе: фактически все будет зависеть от воли одного человека! Если вспомнить о том стремлении к власти во что бы то ни стало и какими угодно средствами, которое является основной сущностью большевизма в том виде, как он исторически сложился, то вряд-ли можно прийти к очень оптимистическим выводам относительно прочности и стабильности единого фронта, заключаемого на основе полного сохранения сталинской диктатуры и «невмешательства» европейского социализма в судьбы русской революции. А провал «единого фронта» в данной исторической ситуации, разочарование пролетариата в самой возможности классового единства должны будут иметь поистине роковое значение для социализма в целом.

Другими словами, тактика единого фронта, проводимого в универсальном и международном масштабе, сможет, по нашему глубокому убеждению, дать ожидаемые благотворные результаты и явиться приемлемой для ев-

Москва		Париж	
	Руб.		Фр.
Зарботок	100-150	Пособие	360,00
Хлеб пшеничный . . .	1,70		1,60
Мясо говяжье	6,00		6,00*)
Масло коровье	15,00		14,00
Масло раст. . . кг.	13,00	литр	4,50
Сахар-песок	4,50		3,20
Картофель	0,30		0,70

Конечно, для сравнения положения московского рабочего низкого разряда с положением парижского безработного, получающего пособие (а есть еще немало и не получающих пособия), данных о стоимости питания недостаточно. Для такого сравнения необходимо было бы сопоставить и другие статьи рабочего бюджета, а также принять во внимание — и это, может быть, имеет решающее значение — соотношение между уровнем жизни безработного и «нормальным» уровнем жизни в стране. Но для характеристики громадного несоответствия между уровнем цен и уровнем заработной платы рабочих и служащих низких и средних разрядов в Советском Союзе приведенная табличка чрезвычайно показательна. Только разве для картофеля (и, пожалуй, ряда овощей) современные цены в Советском Союзе хоть в некоторой степени соответствуют цене человеческого труда. В остальном несоответствие громадное, и сейчас оно сказывается с исключительной наглядностью.

Когда в начале лета прошлого года было проведено значительное повышение цен на хлеб, явившееся первым шагом к отмене нормированного снабжения хлебом, была одновременно несколько повышена заработная плата низко-оплачиваемых рабочих и служащих. При отмене с 1-го января с. г. хлебных карточек было про-

*) Дифференциация цен на мясо в Париже достигает крайних пределов, на говядину, напр., от 3 (летом даже от 2) до 24 франков за кг. и выше. Я взял в таблице приблизительно соответствующие сорта.

ропейского пролетариата только в том случае, если в соглашение между мировыми центрами социализма и коммунизма будут включены известные требования и для России.

Само собой разумеется, что нелепо и утопично было бы ставить предварительным условием для заключения единого фронта проведение законченной программы политических, экономических и др. реформ. Но есть известный минимум гарантий, без которого единый фронт немислим ни политически, ни морально. Этот минимум обнимает собою ту самую основу «рабочей демократии», на признании которой только и сможет быть построено единство пролетариата и в Европе. Это означает, для Сов. Союза, прежде всего **независимость и свободу единую самодетельность профсоюзов и др. рабочих организаций и легализацию соц. партий, т. е. свободу слова, печати и организации, — под контролем и гарантией Интернационала, — для секций РСИ внутри Сов. Союза.**

Принятие такой минимальной программы создаст для рабочего класса Союза, впервые со времени 1919 г., возможность организованного воздействия на политику диктатуры в сторону дальнейшей демократизации режима, возможность контроля пролетарской общественности над органами власти, возможность противодействия народных масс своекорыстным интересам и аппетитам диктаторской бюрократии.

Для европейского-же социализма такого рода развязывание пролетарской самодетельности в Сов. Союзе будет служить прежде всего залогом оздоровления русской революции. Но помимо этого создастся и морально-политическая основа для действительного меж-

ведено общее повышение заработной платы. И в том, и в другом случае повышение было недостаточно и, как это в свое время было показано на страницах «Социалистического Вестника», не соответствовало повышению расходов рабочих и служащих. С тех пор коммерческие и рыночные цены значительно понизились. Сейчас при окончательной ликвидации нормированного снабжения происходит дальнейшее значительное понижение коммерческих и рыночных цен. Для верхнего слоя советской бюрократии и для высших разрядов рабочих и служащих, заработки которых обеспечивают им возможность удовлетворять свои потребности путем покупок по рыночным ценам, новая реформа означает значительный шаг вперед. Поэтому общее повышение заработной платы было на этот раз действительно излишне. Но повышение уровня оплаты труда работников низких и средних разрядов является сейчас насущной необходимостью.

Вопрос этот приобретает тем большую остроту, что одновременно с упразднением нормированного снабжения с чрезвычайной энергией проводится политика ликвидации всех безденежных выдач, которые до сих пор нередко заметно облегчали существование низкооплачиваемых слоев трудящихся. Чтобы остановиться только на мероприятиях самого последнего времени, о которых, кстати, советская печать упоминает лишь мимоходом, чуть-ли не в придаточных предложениях, приведу два факта.

30-го августа «Правда» поместила заметку под симпатичным названием: «Снижение цен на аптекарские товары». Снижение цен — как не порадоваться? Но во мы узнаем из заметки, что «вводится плата за лекарства, выдаваемые больным на дом из аптек, больниц, поликлиник и амбулаторий». Прощай, значит, общая (для застрахованных) бесплатность лекарств, которая признана была даже царским законом о страховании на случай болезни. А вот и еще один пример из той же области.

дународного пакта, заключаемого между мировым социализмом и русской революцией. Наконец, существование в Сов. Союзе легализованных секций РСИ и независимых рабочих организаций даст Соц. Интернационалу известные гарантии действительного контроля над выполнением взятых на себя обеими сторонами обязательств.

Но не явится-ли даже этот минимум рабочей демократии неприемлемым для большевистской диктатуры? Не встретят-ли подобного рода требования категорический отказ со стороны руководителей Коминтерна? Возможно и даже вероятно в первый момент. Но это будет лишь означать, что необходимые предпосылки для плодотворного и честного единого фронта в международном масштабе еще не назрели, что бонапартистские тенденции в большевистской диктатуре еще (или уже) сильнее пролетарско-социалистических. Но единый фронт, как выход из исторического тупика для мирового пролетариата, не может ни создаться, ни победить на основе бонапартизирующейся русской революции. Только в том случае, если пролетарско-социалистические сознание и воля одержат в большевистской диктатуре верх над бюрократически-бонапартистской инерцией, влекущей революцию в пропасть, — только тогда создадутся и предпосылки и условия для единого фронта.

И т а к о й единый фронт мог бы действительно явиться поворотным пунктом эпохального значения не только в истории рабочего движения, но и во всей мировой истории.

Р. Абрамович.

15-го сентября газеты опубликовали новый декрет «о школьных письменных принадлежностях», в котором попутно отменяется «существующий порядок закрытого снабжения школ» и предписывается создание «развернутой торговли школьными письменными принадлежностями». Прощай, значит, бесплатность школьных пособий. И чтобы уже не было никаких сомнений, что бесплатность школьных пособий хотя бы для «малоимущих» учеников (скоро, пожалуй, возродится и этот скорбный термин) не прокрадется и обходным путем — путем школьного «самообложения» (проводимого, как известно, по принципу резко нарастающей прогрессии), — издается постановление, запрещающее школьным «комитетам содействия» устанавливать «добровольные сборы с родителей» (пока в печать проникло сообщение о таком распоряжении по Ленинграду, но, конечно, это скоро станет общим правилом).

Задача коренного пересмотра всей системы заработной платы в Советском Союзе и решительного повышения заработной платы низко оплачиваемых категорий рабочих и служащих поставлена в порядок дня.

Странник.

К единству профдвижения

2. ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ РАСКОЛА.

Эпоха раскола профдвижения близится к концу. Состоявшееся только что во Франции соглашение между обеими Конфедерациями Труда является первым решительным шагом к ликвидации раскола на международной арене и означает прежде всего начало формальной ликвидации Профинтерна в Западной Европе. Советская печать пытается скрыть это от своих читателей, пытается представить ликвидацию раскола профдвижения во Франции, как победу Профинтерна и его политики, и тем самым не облегчает, а, напротив, чрезвычайно затрудняет рабочим Советского Союза понимание действительного развития европейского рабочего движения к единству, затрудняет русским рабочим и поиски путей для преодоления международного раскола профдвижения.

Нашим читателям нужно прежде всего отдать себе отчет в том, что произошло во Франции. Франция была страной, в которой раскол наиболее глубоко поразил классовое профессиональное движение и на годы затормозил его развитие. При расколе (в конце 1921 г.) французское профдвижение распалось на две почти равные части и в первые годы обе Конфедерации — и старая, «амстердамская» Всеобщая Конфедерация Труда (ВКТ) и новая Всеобщая Унитарная Конфедерация Труда (ВУКТ) — влачили довольно-таки жалкое существование. Правда, коммунистическая печать не переставала писать в это время о быстрых успехах ВУКТ и в отчете 3-му съезду Профинтерна (в июле 1924 г.) сообщалось даже, что «численность ВУКТ поднялась до 435.000 платящих членов», что «к началу 1924 г. силы унитариев более, чем вдвое, превосходили силы реформистской ВКТ» и что «гегемония в рабочем движении Франции может считаться обеспеченной» за ВУКТ. Но все это была лишь словесность. И вскоре это обнаружилось с полной ясностью. С 1925 г. начался новый подъем ВКТ при одновременном прогрессирующем упадке ВУКТ. В отчете 5-му конгрессу Профинтерна (в августе 1930 г.) мы уже читаем о «непрерывном, начиная с 1925 г., сокращении числа членов унитарных профсоюзов». Но и 1930 г. далеко еще не оказался самой низшей точкой развития ВУКТ. Ко времени предпоследнего, 7-го съезда ВУКТ осенью 1933 г. число членов унитарных профсоюзов упало значительно ниже 200.000. Напротив,

ВКТ вновь объединяла в это время в своих рядах уже около 800.000 рабочих и служащих. С тех пор положение изменилось мало (обострение кризиса задержало дальнейший рост ВКТ) и во всяком случае не изменилось в пользу ВУКТ. Формально самостоятельное движение, ВУКТ уже давно чувствовала себя лишь «оппозицией» во французском профессиональном движении.

Еще несколько лет назад ВКТ поставила перед собой в качестве непосредственной практической задачи восстановление единства профдвижения во Франции. ВУКТ в течение ряда лет всячески этому противодействовала. Идея единства унитарное руководство противоставило идею единого фронта. При этом руководители ВУКТ даже и не скрывали, что для них цель единого фронта отнюдь не в подготовке действительного единства рабочего движения на широкой основе, а, напротив, в облегчении им борьбы против «предательских вождей реформистских профсоюзов», в обострении борьбы внутри рабочего класса. Следствием такой политики было то, что чем сильнее становилась тяга к единству во французском профессиональном движении, тем больше росло в рядах профессионально организованного французского пролетариата недоверие к единому фронту.

Так проходили годы, не внося по существу ничего нового в отношения между обеими Конфедерациями, пока летом 1934 г. не наметился общий коренной поворот в политике коммунистов во Франции. Рост фашистской опасности в Европе и сознание того, что крушение демократии и победа фашизма во Франции резко ухудшат положение французского и европейского пролетариата и прежде всего очень болезненно отразятся на международном положении Советского Союза, заставили французскую компартию летом прошлого года пересмотреть ее принципиальное отношение к демократии и искать честного сближения с французской социалистической партией. Заключенный в июле 1934 г. между обеими партиями договор о «единстве действий» явился поворотным пунктом в развитии французского рабочего движения.

Теперь и отношения между обеими профсоюзными конфедерациями приняли менее напряженный характер, и осенью прошлого года представители обоих профсоюзных центров впервые после долгих и горьких лет раскола встретились для товарищеского обмена мнений о путях к восстановлению единства французского профдвижения. Казалось, единство вот-вот будет восстановлено. Но этот оптимизм оказался преждевременным. Принципиальная переориентировка в коммунистическом лагере протекала с рецессиями. К концу года в руководящих кругах Коминтерна (и Профинтерна) усилились стремления вернуть политику единства в традиционное русло «маневренной», «разоблачительной» политики «единого фронта». Но к началу лета 1935 года колебания эти кончились. Победа «новой» политики единства в коммунистических рядах оказалась решительной. Вскоре возобновились и прерванные было зимой переговоры между ВКТ и ВУКТ и только что — на съездах обеих Конфедераций — достигнуто, наконец, полное соглашение о восстановлении единства.

Унитарные профсоюзы категорически приняли в процессе этих переговоров принцип независимости профессионального движения от политических партий и правительств, признали недопустимость образования в профсоюзах фракций (правда, здесь не обошлось без горячих споров) и обязательность строгого соблюдения профсоюзной дисциплины и подчинения меньшинства большинству с широким обеспечением для меньшинства свободы отстаивания своих взглядов в условиях широкой и последовательной профсоюз-

ной демократии. Когда по всем этим вопросам соглашение было уже достигнуто, возникли новые затруднения — по вопросу о порядке осуществления объединения. ВКТ настаивала на объединении снизу путем слияния местных профсоюзных организаций, по французской терминологии, синдикатов, являющихся во Франции подлинными очагами профсоюзной жизни. За объединением синдикатов должно последовать создание для каждого союза («федерации») единых союзных органов, создание единых межсоюзных органов и, наконец, создание единого Конфедерального Центрального Комитета французского профдвижения, состоящего из представителей всех 45 федераций и всех 90 областных (департаментских) межсоюзных органов («унионов»). В момент открытия первого пленума Конфедерального ЦК старые ВКТ и ВУКТ умирают и рождается новая, единая ВКТ. Конфедеральный ЦК в кратчайший срок созывает съезд профсоюзов («съезд единства»), который и выносит решения по всем важнейшим вопросам деятельности единой ВКТ. Безболезненное и быстрое осуществление этого плана обеспечивается образованием паритетных комиссий, центральной для обеих Конфедераций и союзных, по всем федерациям, которые и руководят делом объединения и устраняют все встречающиеся на его пути затруднения.

Как это, может быть, ни покажется неожиданным, но руководители ВУКТ сначала решительно выступили против этого плана, стремясь до будущего съезда сохранить руководство движением в двух центрах — ВКТ и ВУКТ —, осуществляющих «единство действий» и совместно созывающих будущий съезд, не съезд единства, а объединительный съезд, пред которым руководство ВКТ и ВУКТ предстали бы как равные и который поэтому легко мог бы явиться ареной решительной схватки между вчера еще организационно обособленными течениями во французском профдвижении. Это была последняя отрыжка политики «единого фронта» в старом ее понимании.

Сейчас все это уже прошлое. План ВКТ принят съездами обеих Конфедераций. Объединение уже началось. К концу года будет созван новый Конфедеральный ЦК, к концу января съезд единства (первоначально ВУКТ предлагала созыв объединительного съезда в марте). Французское профдвижение придет на съезд уже внутренне спаянным, организационно преодолевшим раскол, уничтожившим даже и последние следы обособленного существования вчерашних организаций ВКТ и ВУКТ.

В процессе обсуждения этого плана представители ВКТ поставили точку над *i*: вы, может быть, опасаетесь, что мы вас майоризируем и попытаемся вытеснить вас из центральных и местных руководящих органов профдвижения? Но если бы мы к этому стремились, мы могли бы осуществить это и на «объединительном съезде», на котором сторонники старой ВКТ — в этом никто не сомневается — будут в огромном большинстве; но мы не только не собираемся вас вытеснять, но, напротив, считаем обязательным участие сегодняшних унитариев во всех органах будущей единой ВКТ: без этого единство было бы недостаточно прочным.

Идея единства и независимости профессионального движения празднует во Франции блестящую победу. Но восстановление профсоюзного единства во Франции имеет и огромное международное значение. Французская ВУКТ была самой значительной, в последнее время единственной относительно значительной секцией Профинтерна вне СССР. Но после объединения ВУКТ с «амстердамской» ВКТ вчерашние унитарии входят в состав Международной Федерации Профсоюзов. В Европе только в Чехословакии остается еще скольнибудь заметная секция Профинтерна, да и она, вероят-

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т:

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Étoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Étoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журнала от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа

но, после французского «опыта», скоро растворится в «амстердамской» Чехословацкой Федерации Профсоюзов. Но и вне Европы у Профинтерна уже почти «все в прошлом». Если называть вещи их именами, надо прямо сказать: Профинтерн сейчас фактически это почти лишь профсоюзы СССР; вопрос о преодолении раскола международного профдвижения это вопрос о вступлении советских профсоюзов в МФПС.

И это отнюдь не случайность, отнюдь не результат лишь того, тоже отнюдь не случайного, факта, что Профинтерна вне русских профсоюзов, в сущности, просто нет в природе. МФПС с самого начала своего существования — в современном виде с лета 1919 г. — была организацией международного единства профдвижения, в частности организацией, чуждой какой-бы то ни было враждебности по отношению к русским профсоюзам, руководство которыми уже тогда находилось в руках коммунистов. Напротив, Профинтерн был создан как организация раскола профдвижения — в национальных и международных рамках. Это сейчас отнюдь не полемика, это констатирование исторического факта. Я не вхожу сейчас в его оценку. Пятнадцать лет назад, в период создания Профинтерна, факт этот для коммунистических вождей был принципиально оправдан: как «С. В.» не раз писал в последнее время, тогдашняя идейная концепция коммунизма и в частности тогдашняя система коммунистических представлений о характере, задачах и тенденциях развития профдвижения требовали раскола профдвижения. Концепция эта была ошибочной, она давно оставлена, но раскол стал на годы самоцелью и Профинтерн сохранился в качестве исторического пережитка. В этих условиях умирание Профинтерна было просто историческим законом. Сейчас он мертв, лежит трупом на пути к восстановлению международного единства и заражает воздух, но остановить движение к международному единству профдвижения уже не может.

В руководящих коммунистических кругах отлично отдают себе сейчас отчет в том, что вопрос о восстановлении международного единства профдвижения это вопрос об открытой ликвидации Профинтерна и о вступлении русских профсоюзов в МФПС. Об этом не говорят публично, но к этому исподволь готовятся. На совместном заседании представителей ВКТ и ВУКТ в конце июля один из делегатов ВКТ сообщил, что «одно влиятельное в русском движении лицо» при недавней встре-

че с Жуо запросило его, могут ли союзы СССР, если они заявят о своем желании вступить в МФПС, быть уверенными в приеме, на что Жуо ответил категорическим да. И, конечно, не для разговоров об объединении Профинтерна и МФПС, а для зондирования почвы об условиях приема и о возможном будущем положении русских профсоюзов в МФПС руководители ВЦСПС пригласили генерального секретаря английского Совета Трэд-Юнионов Вальтера Ситрина, являющегося в то же время председателем МФПС, приехать в СССР, и не просто, конечно, коммунистическая пресса («Юманитэ» от 13-го сентября) с удовлетворением отметила принятие Ситриным этого приглашения. Правда, поездка т. Ситрина носит официально глубоко частный характер, но читатели наши, может быть, отметили — не без удовлетворения — сообщение «Труда» (от

24-го сентября) о встрече т. Ситрина на московском вокзале представителями ВЦСПС и МСПС.

Это еще, может быть, только осторожная предварительная разведка — и для той, и для другой стороны. Но в близком будущем вопрос о вступлении советских профсоюзов в МФПС встанет совершенно конкретно. Вопрос этот, конечно, имеет свои трудности и с организационно-технической и с политической стороны, но трудности эти «уж не так большой руки». Поговорить о них еще будет случай. В рамках настоящей статьи это и невозможно, да и не необходимо. Сейчас надо прежде всего отдать себе отчет в том, что задача вступления советских профсоюзов в МФПС становится непосредственной, практической задачей дня. Остальное приложится.

С. Шварц.

Пятый конгресс Социалистического Интернационала Молодежи

РЕЗОЛЮЦИИ КОНГРЕССА.

В состав Бюро СИМ'а избраны: председателем Гансен (Дания), тов. пред. — Годфруа (Бельгия), секретарь — Олленгауер (Германия).

Резолюция о восстановлении единства рабочего движения.

Пятый конгресс СИМ'а подтверждает решение Исполкома СИМ'а, принятое в Париже в 1933 г., которое говорит: «что восстановление единства увеличит ударную силу рабочего класса и рабочей молодежи, сделает действительной борьбу против фашизма и приблизит осуществление социализма».

Помимо того в нынешних условиях преодоление раскола рабочего класса приобретает огромное значение как средство борьбы с угрозой войны.

Конгресс принимает к сведению переговоры, имевшие место в отдельных странах между социалистическими и коммунистическими союзами молодежи и объясняемые специфическими условиями, существующими в этих странах. Конгресс считает само собой разумеющимся, что подобные переговоры будут вестись совершенно лояльно по отношению к СИМ'у и что Бюро СИМ'а будет постоянно находиться в курсе этих переговоров.

СИМ точно также связан решениями РСИ, как отдельные его секции связаны решениями соц.-дем. партий соответствующих стран. В рамках линии РСИ СИМ хочет принять участие в формировании социалистического общественного мнения. В этом смысле СИМ принимает к сведению решение Исполкома РСИ изучить изменения политики Коминтерна, как они обозначились на VII конгрессе последнего. Конгресс поручает Бюро СИМ'а проследить результаты предстоящего конгресса КИМ'а.

Отмечая демократические принципы СИМ'а, которые конгресс усиленно подчеркивает, конгресс поручает Исполкому при первой возможности исследовать вопрос, обнаружили ли материалы, имеющие быть собранными РСИ и Бюро СИМ'а, такие решающие изменения в поведении коммунистов и такие новые моменты в мировом положении, что СИМ должен, учитывая опыт и возможности всех входящих в СИМ союзов, вновь подвергнуть рассмотрению вопрос о сотрудничестве с коммунистами.

Молодежь в борьбе против фашизма и военной опасности.

В тревожный час, когда фашизм пытается зажечь мировой пожар, конгресс СИМ'а обращается к молодежи всех стран, чтобы призвать ее к борьбе против войны.

Неимоверные жертвы молодежи в случае войны, кровавый террор против членов наших организаций в фашистских странах, жертвы, понесенные нами в борьбе против стремящегося к власти фашизма, результаты нашей многолетней работы, борьба за благополучие трудящейся молодежи в городе и деревне — все это обязывает СИМ и его секции взять на себя руководство в борьбе молодежи против войны. Высшей целью СИМ'а является сохранение мира. Мы готовы поддержать всякую попытку, ведущую к достижению этой цели. В первую очередь мы призываем социалистическую молодежь всех стран наперек все силы в борьбе за сохранение мира. Мы призываем социалистическую молодежь принять участие в демонстрациях в пользу мира, организуемых РСИ и соц. партиями во всех странах, с целью показать сентябрьской

сессии Лиги Наций, которая будет обсуждать вопрос о разбойничьем походе Италии против Абиссинии, неугасимую волю к миру трудящегося народа и молодежи. Кроме того мы призываем союзы СИМ'а провести в этом году международный юношеский день 6 октября под знаком борьбы против войны и придать ему характер мощной демонстрации за мир и за социализм.

Если же война все же разразится, мы ждем от всех союзов и членов СИМ'а, что они, в тесном сотрудничестве с социалистическим рабочим движением своих стран, приложат все усилия к тому, чтобы война закончилась поражением фашизма и победой социализма.

СИМ считает своей главной задачей воодушевить трудящуюся молодежь социалистическими идеалами и превратить ее в сильное боевое поколение рабочего класса. Мобилизация молодежи на борьбу против созданной фашизмом опасности войны должна повести к усилению социалистических идей и чувств в молодежи всех стран.

Мы выражаем благодарность СИМ'а за героизм и верность социалистическим идеалам социалистической молодежи Италии, Германии, Дании, Польши, Австрии, которые, как и наши братья в Испании и Балтике, ведут полную жертв борьбу с фашизмом. Одновременно мы призываем ее, в случае войны, сделать невозможной победу фашистских войск и во имя наших общих идей социализма и свободы, приложить все усилия, чтобы закончить войну и свергнуть фашистские диктатуры.

Национализму фашизма и безумию новой войны мы противопоставляем наши социалистические идеалы: свободу, мир и гуманность, одни только придающие смысл и содержание нашей жизни в современных тяжелых условиях.

ЗАГРАНИЦЕЙ

АНГЛИЙСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ И ВОЙНА.

Английская Рабочая Партия стоит сейчас на передовом и боевом посту. В момент обострения международного кризиса и начала военных действий она оказалась самой решающей и самой активной из партий Интернационала. Крайний пацифизм Рабочей Партии превратился во внешне-политический активизм, от нее исходит почин международной акции против африканского похода Муссолини, она увлекает на этот путь в основном с ней согласную Французскую Социалистическую Партию, еще более активизируя ее политику, она стала предметом ожесточеннейшей ненависти итальянского фашизма, ее осypаеt упреками поддерживающая Муссолини про-фашистская французская пресса.

Из этих упреков самым злым должен явиться тот, что Рабочая Партия стала партией воинственных пацифистов. Упрек в этой его формулировке неоснователен. Рабочая Партия не стала партией милитаристской, но верно, что она стала партией активного, не капитулирующего пацифизма, готового защищать мир средствами принуждения и, если нужно, насилия. Многие заблуждались раньше насчет истинной природы этого пацифизма английских социалистов. Между тем самый крупный из социалистических пацифистов Англии, Нор-

ман Энджел, никогда не скрывал, а в последние месяцы своей кампании против фашистской Италии и подчеркивал, что успешная борьба за мир должна основываться на неоспоримом преимуществе силы государств, хотящих мира. Английские социалистические пацифисты не толстовцы. Подлинный и последний толстовец в их рядах, Ленсбэри, оказался совершенно изолированным. Если верно, что их страстная воля к миру имеет религиозный оттенок, то эта религиозность кровельского, а не толстовского порядка.

Конференция Рабочей Партии, заседавшая в Брайтоне 1 и 2-го октября и почти сплошь посвященная вопросам внешней политики, была в этом отношении очень показательна. Позицию Рабочей Партии сейчас никак нельзя сравнить с какой бы то ни было из социалистических позиций 1914 года. Нынешняя политика Рабочей Партии может повести к участию Англии в войне и к военной политике Партии, но эта политика не есть ни «социал-империализм», ни «социал-патриотизм», ни вообще «оборончество», она лежит в другой плоскости. Социал-империализм? Ни в каком случае! Ф. Н. Бэкер, специалист партии по вопросам внешней политики, был совершенно прав, когда заявил в своей речи в Брайтоне, что, если бы предоставить решение спора одним английским империалистам, то они, вероятно, живо столкнулись бы с Муссолини. Подавляющее большинство Рабочей Партии рассматривает войну в Африке не под углом зрения английских имперских интересов, безопасности пути в Индию и дороги Каир-Капштадт, но под углом зрения гарантии международного мира и Лиги Наций, как его стража. В рядах империалистических консерваторов имеются и сторонники невмешательства, и сторонники соглашения с Муссолини. Но в рядах пацифистской Рабочей Партии соглашателей с Муссолини фактически не имеется. Но это также и не «социал-патриотизм», и вообще не «оборончество», то-есть не защита своего отечества, а наоборот: втягивание своего отечества в активную защиту международного мира, хотя бы и с применением силы.

На конгрессе в Брайтоне обнаружился прежде всего поворот в отношении Рабочей Партии к фашизму, как врагу мира. Рабочая Партия всегда вела эмпирическую политику, она определяла и определяет свою политику только из своего непосредственного практического опыта. Долгое время она вообще не сталкивалась с фашизмом. Она готова была поэтому поверить, что фашизм может быть и «мирным», и поэтому она была готова до некоторой степени «толерировать» фашизм в области внешней политики. Сейчас африканский поход Муссолини на опыте убедил ее, что фашизм неизбежно есть война, и поэтому активный пацифизм Рабочей Партии получает сейчас анти-фашистское острие, ее внешняя политика перестает быть нейтральной и получает анти-фашистскую ориентацию. Месяц назад, на конгрессе трэд-юнионов в Маргэйте председательствовавший на конгрессе Кин заявил, что дело мира будет под угрозой, пока в Европе существуют фашистские диктатуры. Сейчас в Брайтоне Робинсон требовал в своей вступительной речи не дать фашистской диктатуре победы. Далтон объявил задачей внешней политики партии отбросить наступающий фашизм и признал недопустимой самую мысль о возможности капитуляции Лиги Наций перед фашизмом. Бевин говорил о перспективе гибели итальянской диктатуры в результате войны.

В Брайтоне были пересмотрены не только направление, но и методы внешней политики партии, вернее, были сделаны те выводы, которые раньше находились в скрытом виде. Моррисон, которого многие считают будущим вождем партии и премьером рабочего кабинета, подтвердил в Брайтоне, как и на конгрессе трэд-юнионов в Маргэйте, что английское рабочее движение не отказывается от методов принуждения против нападающего фашизма, хотя бы и вооруженной силой, и к каким бы последствиям это принуждение ни привело. Здесь Рабочая Партия идет дальше, чем Французская Социалистическая Партия, которая хочет верить, что сила нападающего фашизма может быть сломлена одними мирными экономическими мерами, и пока отказывается включить применение насилия в число методов социалистической внешней политики.

Политика Рабочей Партии получает сейчас новые возможности. Она направлена не индивидуально против Муссолини, но против нападающего фашизма вообще. Если Брайтон определил линию поведения Рабочей Партии в случае нападения фашистской страны, то постановления Рабочей Партии будут в критический момент направлены не только против Муссолини, но и против Гитлера, не только на защиту Абиссинии, но и — тогда с удвоенной силой и энергией! — на защиту Восточной Европы, в первую очередь — Советского Союза, потому что английское рабочее движение имеет большую и славную традицию в борьбе за защиту Советской России. Далтон подчеркнул на конгрессе, что политика поддержки пакта Лиги Наций со всеми ее последствиями, является и политикой советского правительства. Курс, провозглашенный в Брайтоне, может привести к военной коалиции Англии, во главе которой в этот момент будет стоять Рабочее правительство,

с Советским Союзом. Брэйлсфорд, крупнейший журналист левого крыла партии, рекомендует этот союз уже сейчас.

Новый внешне-политический курс партии не ведет к священному единению и толерированию консервативного правительства. Против поддержки консервативного кабинета выступил не только лондонский депутат Вильмот, но также Далтон и Моррисон. Они оба считали возможным не атаковать кабинет Болдвина лишь постольку, поскольку он вынужден осуществлять внешнюю политику Рабочей Партии.

Аргументы оппозиции были не однородны. Ленсбэри выступал с толстовскими доводами, принципиально против всякого применения насилия. Аргументы Понсонби были практического порядка: всякие санкции должны привести к войне, нельзя хотеть санкций и не хотеть войны. Сильнее были доводы Криппса, пытавшегося наметить нечто вроде лево-социалистической оппозиции против большинства. Он не верит в Лигу Наций, считает невозможным давать в руки консервативного правительства мандат на применение страшного оружия санкций и, наконец, признает, что защищать против нападения можно только социалистическое отечество. Но речь Криппса — при всей основательности его критики империалистических интересов, прикрывающихся «непоколебимой» преданностью пакту Лиги Наций, — была смесью путаницы и левой фразы, левый Брэйлсфорд думает по этому поводу совсем иначе. Веру в Лигу Наций Криппс потерял только после ухода Японии и Германии, раньше он был за активное вмешательство Лиги Наций в манджурский конфликт. Лонгэ уже ответил Криппсу в «Попюлэр»: неужели он не понимает, что вступление Советского Союза в Лигу Наций является для социалиста более, чем достаточной компенсацией за уход Германии и Японии? Криппс должно поставить самый вопрос: вместо того, чтобы сказать, что активная внешняя политика партии должна сопровождаться более активной, более концентрированной борьбой за власть, он посоветовал партии отказаться от активной внешней политики, то-есть по существу, на практике поддержать ту группу консерваторов, которая хочет изоляции Англии и ее ухода из Европы. Другими словами, этот странный левый остался далеко позади того движения вперед, которое проделало сейчас английское рабочее движение.

Рабочая Партия стоит сейчас перед обеими большими проблемами: проблемой власти и проблемой активной внешней политики против войны и фашизма. Когда Фридрих Адлер на конференции в Брайтоне и Лонгэ в «Попюлэр» приветствовали новый курс внешней политики Партии, то они имели в виду именно ее отказ от традиционного островного мышления, ее активную европейскую политику. Но активную социалистическую внешнюю политику с большими задачами и результатами сумеет проводить только рабочее правительство у власти.

А. Шифрин.

АГРАРНЫЙ СЪЕЗД ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

28-29-го сентября состоялся в Лиможе чрезвычайный съезд французской социалистической партии, посвященный аграрному, вернее крестьянскому, вопросу. Судьба сельского хозяйства и крестьянства, придавленного затаженным аграрным кризисом, в течение ряда лет привлекает к себе внимание французской социалистической партии, многие из местных организаций которой состоят в значительной части из сельскохозяйственных рабочих, сельской интеллигенции и мелких крестьян. Характерно, что добрую половину съезда в Лиможе составляли сельско-хозяйственные рабочие и мелкие крестьяне. Лиможский съезд привлек к себе внимание не только социалистической общественности, но и настроенное внимание буржуазного лагеря. Лучшее всего опасения этого лагеря выразила влиятельная буржуазная газета «Тан» (30-го сентября): «Французская социалистическая партия посвящает специальный съезд вопросам сельского хозяйства. Коммунисты обращаются с манифестом к крестьянам. Мы присутствуем перед концентрированным натиском пропаганды революционных партий. К довершению всего, социалисты и коммунисты остерегаются развешивать свою подлинную крестьянскую программу. Если бы те и другие объявили о своем желании осуществить социализацию земли и лишить хлебороба его частной собственности на землю, организовать обширные сельско-хозяйственные предприятия государства, к тому же государства диктаториального, управляемого марксистской партией эта пропаганда не внушала бы никаких опасений». Но, горюет французский официоз, Лиможский съезд именно потому и внушает тревогу, что энергичная защита социалистической партией интересов мелкого крестьянства может привлечь на сторону французского социализма симпатии широких крестьянских масс. Положение, по мнению «Тан», усугубляется еще тем, что буржуазные партии «национального единения» не популярны в крестьянстве и со сво-

ей стороны ничего не могут предложить крестьянству в условиях аграрного кризиса.

Эта нелюбимая оценка буржуазного официоза как нельзя лучше вводит нас в круг тех проблем, которые стояли в центре внимания съезда. Съезд наметил программу мероприятий, которые должны облегчить положение крестьян. В обращении к французскому крестьянству, выпущенному съездом, подчеркивается, что социалистическая партия, придя к власти, будет защищать и ограждать права собственности мелких и средних крестьян. Для облегчения положения крестьян съезд требует моратория по долгам, приостановки продажи крестьянского имущества с публичных торгов, политики широкого кредита производителям, пересмотра арендного законодательства и установления скользящей скалы арендной платы в зависимости от цен на сельскохозяйственные продукты, немедленной ревалоризации сельскохозяйственных продуктов, т. е. приведения цен на сельскохозяйственные продукты в соответствие с издержками производства. Эту задачу должны осуществить государственные управления по хлебу, вину, мясу и т. д. с широким привлечением в них представителей от крестьянства. Понижение себестоимости сельскохозяйственных продуктов должно быть обеспечено организацией государственного снабжения крестьянских хозяйств удобрением и национализацией электроснабжения деревни и местных путей сообщения (железные дороги во Франции находятся в большинстве своем в руках частных обществ). Программа предусматривает также уменьшение косвенных налогов и демократическую финансовую реформу. Программа останавливается далее на том комплексе вопросов, который получил во Франции название «сельского урбанизма», т. е. над проблемой уменьшения культурно-бытовой пропасти между деревней и городом. Программа решительно требует, наконец, повышения жизненного уровня сельскохозяйственных рабочих путем защиты заработной платы и распространения на сельский пролетариат социального законодательства.

Съезд партии поручил социалистической парламентской фракции внести на рассмотрение ближайшей сессии парламента ряд законопроектов в духе намеченной съездом программы. Особо срочный характер имеют при этом мероприятия по обеспечению крестьянам кредита под будущий урожай, снабжению их удобрениями по себестоимости с уплатой в момент реализации урожая и изменению условий аренды.

Необходимо отметить, что, выступая в защиту экономических интересов крестьянства, съезд в то же время сумел связать эту борьбу с общей борьбой рабочего класса за повышение жизненного уровня рабочих масс. Ибо никакое повышение цен на продукты крестьянского труда само по себе, вне повышения одновременно покупательной способности широких трудящихся масс, не может разрешить аграрного кризиса. Все выступавшие по этому вопросу делегаты были единодушны в том, что **борьба за действительное удовлетворение крестьянских интересов может быть успешной лишь в тесной связи с общей борьбой пролетариата за социализм.**

Больше чем какой-нибудь иной съезд Лиможский съезд был одновременно **смотром сил партии в стране.** Он не только обнаружил, что у партии есть повсюду, вплоть до самой глухой провинции преданные и стойкие работники, он показал, что у партии имеются прекрасно ориентирующиеся в сложности аграрной проблемы кадры работников в сельских местностях. Мелкие крестьяне, сельскохозяйственные рабочие, сельские учителя — они не только остро ставили вопрос о противодействии агитации в деревне реакционно-феодалных и фашистских кругов, но и самостоятельно намечали ряд мероприятий, которые могли бы парализовать фашистскую демагогию. Среди этих мероприятий, отчасти выходящих за рамки принятой съездом программы, заслуживают внимания многочисленные предложения о **развитии крестьянской кооперации** или предложения, касающиеся агрономической помощи государства мелкому крестьянину путем сдачи ему **в наем тракторов** и т. п.

Предложения эти, по существу встреченные с полным сочувствием съездом, не были, однако, включены в принятую съездом программу, чтобы не дать повода врагам рабочего класса демагогически использовать их против партии апелляцией к индивидуалистическим настроениям мелких крестьян. Интересно отметить, что опубликованная в «Юманите» в день открытия Лиможского съезда новая аграрная платформа компартии Франции еще решительнее, чем социалистическая программа, подчеркивает необходимость «ревалоризации» сельскохозяйственных продуктов, да и в остальном намечает ту же систему мероприятий, которая составляет содержание Лиможской программы, обходя, как и социалистическая программа, молчанием вопрос о крестьянской кооперации. Агитация в пользу развития крестьянской кооперации чрезвычайно затруднена для французского социализма и коммунизма теми воспоминаниями, которые в самых широких кругах французского общественного мнения оставила эпоха принуди-

тельной коллективизации в Советском Союзе. Недаром буржуазная печать в борьбе против усилий социалистической и коммунистической партий расширить свое влияние в крестьянстве постоянно возвращается к этому советскому «опыту».

Естественно, что компартия еще гораздо чувствительнее к этому аргументу, чем социалистическая партия. Но крайняя сдержанность коммунистической платформы имеет еще и другие корни. Как и в общем вопросе о границах «народного фронта», компартия Франции обнаруживает сейчас и в вопросах аграрной политики тенденцию раздвинуть далеко направо рамки политического сотрудничества с непролетарскими группами и организациями. Коммунистическая платформа усиленно подчеркивает, что она обращается к широкому слою трудового крестьянства «каковы бы ни были их **политические** и религиозные убеждения», «к левым и правым» и призывает к «единству действий» во имя «спасения французского сельского хозяйства» и защиты крестьянской собственности. На созываемых в деревнях собраниях ораторы коммунисты часто делают попытки протянуть нити сотрудничества и к фашистским организациям в крестьянстве. В социалистических кругах не без тревоги наблюдают этот крайний оппортунизм компартии, и на съезде **Венсен Ориоль**, огласив обращенное к съезду приветственное письмо ЦК компартии и отметив с удовлетворением, что в очередных требованиях аграрной политики между социалистической и коммунистической партиями нет сейчас разногласий, подчеркнул в то же время необходимость решительно отгородиться от движения, вдохновляемого Доржером (лидером крестьянских фашистов) и Де-ля-Роком (главой фашистских военизированных «Боевых крестов») и со всей энергией бороться против их попыток эксплуатировать крестьянскую нужду. Это осторожное и товарищеское напоминание имело целью облегчить растущее сотрудничество французского социализма и коммунизма в борьбе за политическое сближение широких кругов крестьянства с рабочим классом. Сближение это является сейчас центральной проблемой внутренней политики французского социализма, оно является основой его борьбы за «народный фронт». Но эта проблема сможет быть разрешена в духе вовлечения крестьянства в русло антикапиталистической борьбы пролетариата и тем самым подготовки социалистической победы рабочего класса лишь при отказе от той политики близоруко-оппортунистического «практицизма», глшатаями которого в рамках «народного фронта» так часто выступают ныне французские коммунисты — далеко не только в крестьянском вопросе!

В. Ал.

ИЗ ПАРТИИ

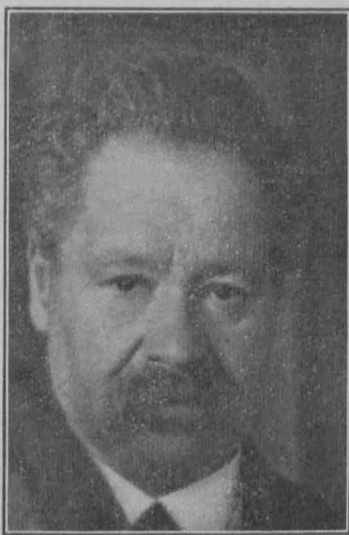
АРКАДИЙ КРЕМЕР (АЛЕКСАНДР)

Скончавшийся 27-го сентября в Вильне, 70 лет от роду, Аркадий Кремер был одной из самых незаурядных фигур в еврейском и общем рабочем движении до-революционной России. О нем можно действительно сказать, что ему не хватало только нескольких мелких недостатков для того, чтобы стать одним из крупнейших вождей российской социалдемократии, — вернее, для того, чтобы остаться им. Ибо в начальную эпоху движения, на всем протяжении 90-х гг. прошлого века, Александр был виднейшим лидером тех рабочих кружков и групп, из которых, при его прямом и активном участии, выросли и Бунд (1897), и РСДРП (1898).

К началу 90-х гг., когда всего уже какая-нибудь дюжина лет отделяла пролетариат России от тех грандиозных потрясений, которые привели к революции 1905 г., так наз. «организованное» рабочее движение сводилось к небольшим кружкам, проникнутым к тому же еще узким духом кружковщины, стремлением превратить сознательный авангард, выросший в руководимых интеллигентами пропагандистско-образовательных кружках, в своего рода умственную аристократию, отгораживающую себя, — в интересах самосохранения в условиях царизма, — от темной несознательной массы. Александр был одним из тогда еще немногих, которые осознали стоявшие перед молодым движением **политические** задачи, которые своей политической интуицией предвосхитили ту грандиозную роль, которую суждено будет играть в судьбах страны маленьким, ничтожным по размерам, но вышедшим еще даже умственно из пеленок рабочим кружкам. Написанная или вернее продиктованная тогда Александром брошюра «Об агитации», является одним из самых замечательных до-

кументов того времени: это своего рода «метрическая запись» о рождении социалдемократической партии в России. Мысли, сформулированные в этой брошюре, вскоре стали господствующими в марксистских кружках. Из них, как очередная политическая задача, выросла проблема создания партии, как оформленной организации; отсюда оставался лишь один шаг до созыва учредительного съезда Бунда, а затем и РСДРП. Александр был душой этой работы, которая фактически являлась предтечей «Искры». Его организаторские таланты, его умение выбирать людей и влиять на них, его упорная и негибкая воля сыграли без сомнения решающую роль в успехе всего предприятия. Он же оказался, конечно, и во главе Центрального Комитета Бунда, как и в первом составе центрального комитета РСДРП, которому, однако, не суждено было долгое существование. Через несколько недель многообещающее начинание было радикально «ликвидировано» Зубатовым. Перевезенные в Москву на предмет личной обработки талантливым охранником вожди Бунда, среди них Кремер, просидели около двух лет в Бутырках. Их дело было, казалось, разрушено до основания... Однако лишь 5 коротких и бурных лет отделило их от января и октября 1905 года.

Эти 5 лет Кремер провел в лихорадочной, неустанной, неутомимой работе, то в России, в ЦК Бунда и РСДРП, то за границей, в рядах Загр. Комитета Бунда в Лондоне и Женеве. Высланный из Швейцарии за участие в демонстрации против царского консула, Кремер однако возвращается туда нелегально, участвует во всевозможных совещаниях, конференциях и съездах. На 2-ом съезде партии, в рядах делегации

Бунда, способствует оформлению социалдемократического ядра партии в борьбе с ленинизмом, но раскол между Искрой и Бундом кладет конец этой работе. Кремер окончательно уходит в Бунд, не разрывая однако своей внутренней идейной связи с общим движением.

Но вместе с революционными событиями 1905 г. в Кремере начинает все отчетливее проявляться внутренний перелом, чрезвычайно характерный для его своеобразной личности.

В своих воспоминаниях о виленском периоде Ю. О. Мартов рисует Александра, как общепризнанного лидера движения, человека с большой волей и ясным умом, но не отличающегося ни ораторскими, ни литературными дарованиями. Эта характеристика в общем верна, но недостаточна. При всей своей волевой натуре и даже властности, при всем своем железном упорстве, при всем своем очень пронзительном и крайне остром скептическом уме, Александр отличался необычайной чувствительностью своей моральной организации, необычайной требовательностью к самому себе и полным неверием в свои силы. В нем, — приходится сказать, к сожалению, — не было ни грана самомнения, честолюбия, самовлюбленности, словом, всех тех мелких черт, которые, в нормальных пределах являются, по видимому, необходимыми ингредиентами человеческого характера, без которых, как без катализатора в химических реакциях, не совершается синтезирование практического, политического вождя.

Обаятельный и убедительный в личных беседах, Александр никогда не мог себя заставить выступить с публичной речью. Полный мыслей и логически отточенных возражений, Александр никогда не написал ни одной статьи в многочисленных журналах и газетах, в редакции которых принимал участие.

Когда в 1905 году совершился в России тот глубокий политический перелом, который А., отнюдь не будучи «ликвидатором», правильно оценил, однако, во всем его историческом

объеме, — А. неожиданно для всех выступил в ЦК Бунда с заявлением об уходе от руководящей политической деятельности. Теперь-де наступает другая политическая эпоха. На смену кружковым организациям, конспираторам и пропагандистам нашего поколения должны прийти политические деятели, публицисты, ораторы, парламентарии, организаторы масс. Он же, А., ни для чего этого не годится. Его долг уйти и очистить место для новых сил.

Никакие возмущенные протесты товарищей, прекрасно сознававших, насколько Александр неправ в преувеличенно-скромной оценке своих сил и способностей, не смогли поколебать его решения. Внешне уступив на некоторое время давлению коллегии, не желая дезертировать в опасные годы 1907-1909, А. воспользовался однако первой возможностью, чтобы осуществить свое решение. В 1912 году он окончательно отходит от активной работы в партии, уезжает за границу, поступает в немолодом уже возрасте в Техникум в Тулузе и по окончании его поступает инженером-монтером на завод, а затем работает в ночной смене на парижском метро. — Его политическая карьера закончилась своего рода актом политического самоубийства. И мысль об этом самоубийстве возникла у него — в отличие от тысяч других — не под влиянием разочарования в движении, не под давлением политической реакции, — нет, как раз в момент наивысшего подъема и наибольшего блеска революции, для подготовки и организации которой он положил столько сил и лет.

Возвратившись в 1921 г. в Вильнюс в качестве учителя и лектора при еврейском Техникуме, Кремер сблизился с польским Бундом и даже согласился принять почетный пост в партии, основанной им четверть века назад. Но его деятельность в Вильне никогда не носила активного руководящего характера. А затем всякую возможность такого рода деятельности устранила тяжелая и мучительная болезнь...

Александр бывал суров, а часто и крут в своих выступлениях и политических шагах. Он умел быть резким и беспощадным прежде всего к самому себе. Но за его суровой внешностью, за его резкостью и колючестью таилось в действительности много сердечной доброты, душевной мягкости и теплоты. И самая его резкость подчас была лишь стыдливым прикрытием для нежности, криком на самого себя за чрезмерную «сентиментальность».

В этом редком сочетании ума и сердца, твердой воли и «внутряной», идущей от души доброты был секрет того обаяния, которое Александр имел на всех знавших его. Какой урон для российской социалдемократии, что этот недюжинный и безусловно крупный человек ушел от нее в расцвете своих сил и способностей! Но имя его занесено неизгладимыми письменами на скрижали истории рабочего класса России. И память об Александре не умрет среди его друзей.

Р. Абр.

ПО РОССИИ

МОСКВА. — Настроения в современной деревне. — Рост популярности Сталина. — Укрепление хозяйства. — Проявления недовольства среди рабочих и молодежи. — Накануне крупных перемен.

Хочу поделиться впечатлениями от бесед с товарищами, побывавшими в деревне.

Деревне стало жить легче. Ужасы коллективизации стали понемногу забываться. Размеры беспорядков в колхозах и сейчас еще велики, но их заметно делается меньше. Колхоз стал жить более упорядоченной, размеренной жизнью. Стал создаваться колхозный быт, крестьянство стало привыкать к новым порядкам. Ненавидимые и непонятные поначалу «трудодни» стали восприниматься реальнее и крестьянин стал свыкаться с этим методом исчисления его труда и заработка... Трудно сказать, что думает крестьянин в действительности, но внешне он как-бы смирился, перестал отталкиваться от колхоза, он как-то «замирился». Конечно, громадную роль играет **распыленность крестьянства**, сознание невозможности «переть против власти» — в 1932 году кубанское крестьянство столь жестоко поплатилось за «противодействие коллективизации и хлебозаготовкам», что еще и сейчас на Кубани полудушные деревни и тысячи беспризорных —, но немалую роль играет и то обстоятельство, что за последние два года крестьянству стало жить **значительно легче**. Получения по трудодням явно возрастают, доходы от усадьбного хозяйства растут еще более быстрым темпом.

Крестьянин стал думать в своей массе уже не о том, как-бы ему вырваться из колхоза, а о том, как ему **приспособиться к жизни в колхозе и вокруг колхоза**.

Надо отметить, что за последнее время советской властью сделано немало шагов, **примиряющих** крестьянство с новыми порядками. Личное хозяйство и право продажи продуктов на рынке создали для крестьян основу их материально-

го существования. Психологически же **крестьян-стариков** умиротворило назначение их инструкторами по качеству, приглашение их, как экспертов при решении вопросов сева, подготовки почвы, ухода за молодым и пр. Стариков, которых раньше безнаказанно травил комсомольцы, вновь обрели свой авторитет и стали чувствовать себя «советчиками» при председателе колхоза. **Молодежь** же, хотя иногда и будирует из-за ограничения своих «вольностей», но горячо само стоит за колхоз и советскую власть, потому что новый строй деревни открыл ей большие возможности личного устройства и развития. В деревнях, о которых мне рассказывали мои информаторы, очень велико количество молодежи, **уходящей в город** на заводы и на учебу. Это одна из очень серьезных проблем: растущая культурно молодежь не хочет оставаться в колхозах и в деревню возвращается лишь в порядке партийной или советской командировки.

Поражает в современной деревне рост популярности **Сталина**. Вокруг его личности сложились не только боязнь, но и почитание, ореол «дальновидности и мудрости». Лишний раз приходится убедиться, что упорная агитация, как-бы она ни была груба и лицемерна на взгляд изощренных политиков, все же дает свои плоды в народной массе, особенно в наше время «мечты о мудром и справедливом вожде».

В русской деревне, несмотря на раскулачивание, несмотря на насилия коллективизации все же сложилось представление, что **Сталин** «печется о нуждах крестьянина», что все беды от дурных местных властей, а **Сталин** думает о благосостоянии деревни и твердой рукой пресекает несправедливость, когда о ней узнает. Своеобразная вариация вековых легенд «о справедливом царе-батюшке и неправедных его вельможах»!

Все плохое от местных властей, все хорошее от **Сталина**. **Сталин** «речь сказал» о крестьянских нуждах, о которых забывали коммунисты, **Сталин** разрешил продажу на рынке, **Сталин** разрешил усадьбы, **Сталин** дал новый устав колхозам и т. д.

Можно только поражаться тому, что не только молодежь, но и пожилые бывалые люди в беде серьезно обескуражены, как бы им послать ходоков, которые повидали бы самого **Сталина**, а не протирали бы часами стулья в приемных **Калинина**.

Коммунисты, с которыми мне пришлось беседовать на эту тему, с удовлетворением отмечают это явление, как **симптом укрепления режима**. Но они отмахивались досадливо, когда я обращал их внимание на то, что ореол создается не вокруг **Сталина**, строящего социализм, и даже не вокруг **Сталина-создателя колхозов**, а вокруг **Сталина**, оберегающего интересы крестьянина-собственника и обуздывающего неумеренных социализаторов. Во всяком случае популярность **Сталина** новое и важное обстоятельство, которое не следует игнорировать и которое рано еще может обернуться. ...Надежный проводник советского влияния — это красноармейцы на службе и в резерве. В Красную Армию сейчас идут охотно и из нее возвращаются с расширенным кругозором, часто с новой технической профессией (тракторист, механик, слесарь), и почти всегда идут в «активисты новой деревни».

...Новый курс советской власти на хозяйственный расчет, отмену карточек, стабилизацию рубля сопровождается усилением недовольства в городе, среде необеспеченных слоев **рабочих**. Рабочая семья сейчас может сводить концы с концами только в том случае, если глава семьи высококвалифицирован и работает на неограниченной сдельшине или, если в семье работают не менее трех человек.

Интересно отметить, что сейчас, когда отмена карточек и удорожание **общественных столовых** казалось-бы побуждают женщин-работниц уходить с фабрик и браться за домашнее хозяйство и варку пищи, наблюдается явление обратное: женщины вновь массами потянулись на наемную работу: сводить концы с концами возможно лишь тогда, когда и женщина приносит заработную плату. Хотя видные представители власти уверяют, что размеры зарплаты в ближайшее время не будут повышены, однако имеется много оснований думать, что властям придется, считаясь с настроениями рабочих, **поднять уровень платы низших квалификаций**. Мы думаем, что это дело ближайшего будущего.

...Хозяйственное положение в стране укрепилось. Освоение гигантов заканчивается и продукция возрастает вновь быстрыми темпами. **Стали** и машин стране теперь хватает, хуже с **углем**, но и здесь имеются большие успехи. Достижение последнего времени — это улучшение работы **транспорта**. **Кагановичу** удалось добиться некоторых успехов: увеличилась погрузка, ускорился деловой пробег и увеличилось число перевозимых грузов. Правда, он прибег к весьма суровым мерам: отменил на ряде линий спальные места в вагонах, люди теперь садятся в три этажа, сократил командировки, сократил число поездов, увеличил почти вдвое число вагонов из один состав и т. п. Но зато **грузовое движение** быстро возросло. Увеличилось число вагонов, как производимых внутри

страны, так и импортируемых из-за границы. Разгрузка вагонов ускорена путем применения премиальных и разрешения брать для погрузки кого угодно, даже без проверки его права пребывать в данном районе (паспорта)...

...В последнее время несколько меняется политика в области **внешней торговли**. Слухи о реорганизации внешней торговли, конечно, лишь слухи. Все дело в отношении организационном свелось к тому, что вновь несколькими объединениям разрешено самим выбирать поставщика и с ним заключать договоры. Здесь все осталось попрежнему. Новое в том, что с этого года вновь стали либеральнее в отношении импорта, — покупают за границей не только сырье, машины, но и готовые изделия, — экспорт же продуктов питания значительно уменьшен, в том числе и хлеба. Новый курс объясняется и ценами мирового рынка и соображениями внутренней политики, но, главное, большими, скрывающимися размерами **золотодобычи**. Нахождение новых мест золоторождения и сочетание хорошо технически оборудованных госприисков с поощрением «старательской» добычи дали очень положительные результаты. **Золотые фонды страны стали вновь возрастать**.

...Политически сейчас в стране состояние какого-то затишья. В верхах очень взволнованно относятся к тому, как складывается **международное положение**, очень серьезно опасаются войны. Существуют предположения, что в ближайшее же время последуют всецелые послабления населению, в первую очередь крестьянству, чтобы подготовить психологию нужную для обороны. Большую тревогу вызываются множась **проявления недовольства в рабочей среде**. Интересно отметить, как своеобразное советское явление, что оппозиционность начинают проявлять советские **школьники**. В то время, как слушатели высших учебных заведений в последние годы ушли в свою учебу и, после жестоких расправ с так называемыми меньшевиками и троцкистами, в их среде, нет внешних выявлений оппозиционности, среди учащихся старших классов средних школ в последнее время стали появляться стихийно рождающиеся кружки, строго законспирированные. Кое-где эти кружки издают журналы, конечно, рукописные или переписанные на машинке. В этих журналах подвергается справедливой критике несправедливое начальство, начиная от «вожатого», кончая видными политическими фигурами. Отрадно видеть, как в наивной и незрелой форме бьется независимая и ищущая мысль молодежи. Были случаи коллективных протестов школьников против несправедливости начальства.

28 сентября. 355 г.

A.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

- Бюллетень оппозиции (большевик-ленинцев), № 45.
 А. Рудольф. 39 месяцев в СССР. Изд. журнала „Знамя России“, 1935.
 „Пробуждение“, № 60-61, июль-август 1935.
 Ив. Бирдин. Вселенная и человечество. Часть общая. Прага, 1935.
 La Révolution Prolétarienne, № 207.
 Que faire? Revue communiste, № 9-19, septembre-octobre 1935.
 Zukunft, кн. 10. New-York 1935.
 SchulWeger, № I, Warszawa 1935.
 Cahiers du bolchévisme, № 19-20.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 6/9, 23/9, 3/10.
 Отослано: №№ 34, 45, 46; № 2, 3.

“ DER KAMPF ” INTERNATIONALE REVUE

выходит в расширенном виде — 48 страниц вместо 32 страниц. Статьи по проблемам международной политики и экономики и социалистического движения. Постоянные обозрения (мировая политика, международный социализм, профессиональное движение, Советский Союз). Библиография. Обзор журналов.

Редактор: Otto BAUER.

Цена отдельного номера 4 франка, подписная плата на год 40 франков.

Генеральное представительство для Франции:
 СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.